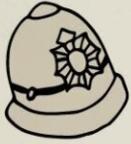

БЕН ААРОНОВИЧ

РЕКВИ МОНГОЛА

Вот что случилось бы,
вырасти Гарри Поттер
и стань копом.

Диана Гэблдон

fanzon

TOWER
BRIDGE

Fanzon. Fantasy World. Лучшее современное фэнтези

Бен Ааронович

Реки Лондона

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Ааронович Б.

Реки Лондона / Б. Ааронович — «Эксмо», 2011 — (Fanzon.
Fantasy World. Лучшее современное фэнтези)

ISBN 978-5-04-184550-6

Первый роман цикла в духе романов Дугласа Адамса и Терри Пратчетта. Современное фэнтези-детектив. Бестселлер – продано более двух миллионов экземпляров. Премия Академии НФ, фэнтези и хоррора. Финалист премии «Дети ночи» и премии Грэма Мастертона. Меня зовут Питер Грант, и я был на испытательном сроке в должности констебля в этой могущественной армии правосудия, которую законопослушные люди называют лондонской полицией. Моя история началась, когда я попытался допросить свидетеля преступления, который был уже мертв... Это привлекло внимание инспектора Томаса Найтингейла, последнего мага в Англии. Теперь я детектив-констебль и ученик колдуна, первый за последние пятьдесят лет. Мой мир стал намного сложнее: в пригородах устраивают свои гнезда вампиры, боги и боги Темзы враждуют, а в сердце города, который я так люблю, что-то прогнило... Злонамеренный мстительный дух захватывает обычных лондонцев и превращает в марионетки, чтобы разыграть драму насилия и отчаяния. Призрак бунта и мятежа проснулся в городе, а мне придется навести порядок в этом хаосе – или умереть, пытаясь сделать это. «Вот что случилось бы, если бы Гарри Поттер вырос и стал копом». – Диана Гэблдон «Первоклассная смесь "Гарри Поттера" и "CSI – Места преступления"». – io9 «Свежая, оригинальная и прекрасная книга. Я влюблена в нее». – Шарлин Харрис «Роман наполнен деталями и воображением. Ааронович – это то имя, за которым надо следить». – Питер Гамильтон «Блестящий и веселый». – The Sun «Бен Ааронович создал прекрасный мир, полный загадок, магии и фантастических персонажей. Я люблю бывать в нем больше, чем посещать реальный Лондон». – Ник Фрост «Невероятно стремительная магическая прогулка для взрослых». – The Times

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-184550-6

© Аронович Б., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Бен Ааронович Реки Лондона

Ben Aaronovitch

Rivers of London

Copyright © 2011 by Ben Aaronovitch

First published by Gollancz, an imprint of the Orion Publishing Group, London

© Трубецкая Е.Г., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Посвящается памяти Колина Рейви, ибо есть на свете люди
такого размаха, что одной Вселенной для них мало...*

*К чему провидеть, что грядет?
Бедя в свой явится черед,
А радость может запоздать.
И мудрость – зло, не благодать,
Коль меньше знаешь – крепче спишь,
Безумство много знать.*

Томас Грей, ода «Вид издали на Итонский колледж»

Глава 1

Ключевой свидетель

Все началось во вторник, в полвторого холодной январской ночи, когда Мартин Тернер, уличный актер и, по его признанию, начинающий жиголо, наткнулся на труп у западного портика храма Святого Павла, что в Ковент-Гардене. Мартин и сам-то был не слишком трезв, поэтому решил, что тело принадлежит одному из многочисленных гуляк, избравших храмовую площадь в качестве удобного туалета и ночлежки на свежем воздухе. Как истинный сын столицы, он тут же окинул лежащего «мгновенным лондонским» взглядом – его достаточно, чтобы понять, пьяный перед вами, псих или несчастная жертва. Тот факт, что один и тот же случай может легко сочетать в себе все три состояния, делает доброе самаритянство крайне экстремальным видом спорта в Лондоне – вроде прыжков с высоток или шоу крокодилов. Обратив внимание, что на теле неплохие туфли и пальто, Мартин квалифицировал его как пьяное. И только потом обнаружил, что у него не хватает головы.

Давая показания приехавшим детективам, Мартин отметил, что находился в подпитии, и это хорошо – потому что иначе он потратил бы много времени на бестолковую беготню и вопли, особенно когда обнаружил, что стоит в луже крови. А так, с серьезной методичностью человека пьяного и напуганного, Мартин Тернер медленно набрал 999 и вызвал полицию.

Оперативный штаб направил туда ближайшую группу быстрого реагирования, и через шесть минут первые полицейские уже прибыли. Один из них остался с резко протрезевшим Мартином, в то время как его коллега засвидетельствовал наличие мертвого тела и то, что при прочих равных несчастным случаем это, скорее всего, не является. Голова нашлась в шести метрах от тела – она закатилась за одну из неоклассических колонн портика. Полицейские сообщили в свое управление, оттуда информацию передали в окружной отдел расследования убийств, и через полчаса приехал тамошний дежурный констебль, самый младший по должности в своей команде. Едва увидев мистера Безголового, он кинулся немедленно будить своего шефа. Вот тогда отдел расследования убийств лондонской полиции прибыл уже в полном своем блеске и расположился на брусчатке между портиком храма и зданием рынка. Явился патологоанатом, констатировал смерть, провел предварительную экспертизу и увез тело на вскрытие (с этим произошла небольшая заминка – голова никак не помещалась в пакет для улики). Приехала толпа криминалистов, и, чтобы продемонстрировать свою полезность, они тут же потребовали расширить зону контроля вплоть до западного края храмовой площади. Для этого требовалось больше патруля, и старший следователь из отдела расследования убийств связался с участком Черинг-Кросс, попросить дополнительных людей. Старший смены, услышав волшебные слова «оплачиваемая переработка», отправился напрямик в общежитие участка и устроил всем добровольно-принудительную побудку, выдернув их из теплых постелек. Таким образом, зона контроля была успешно расширена, экспертиза проведена, младшие следователи отосланы по неким таинственным поручениям, и в пять утра все кончилось. Тело увезли, детективы уехали, а криминалисты единогласно признали, что больше ничего не сделаешь до рассвета – то есть в ближайшие три часа. А пока им нужна лишь пара человек – охранять место происшествия до конца смены.

Вот так я и оказался у Ковент-Гардена в шесть утра, на ледяном ветру. И по этой же причине именно я повстречал призрака.

Иногда я спрашиваю себя: что было бы, если бы я вместо Лесли Мэй пошел тогда за кофе? Наверно, моя жизнь была бы гораздо скучнее, но уж точно спокойнее и безопаснее. Интересно, такое с кем угодно могло случиться или же именно мне было на роду написано?

Размышляя об этом, я каждый раз вспоминаю один мудрый афоризм моего отца: «А кто его знает, почему в жизни случается всякая хренотень?»

Ковент-Гарден – это большая площадь в центре Лондона. С восточной ее стороны находится Королевский оперный театр, в центре – крытый рынок, а с западной стороны – храм Святого Павла. Когда-то здесь был главный зеленый рынок Лондона, но его перенесли на южный берег реки еще до моего рождения. История у этого рынка длинная и насыщенная – в основном эпизодами, связанными с криминалом, проституцией и театром, но сейчас это в основном ярмарка для туристов. А храм Святого Павла еще называют Церковью актеров, чтобы не путать с кафедральным собором Святого Павла. Построил его Иниго Джонс в 1638 году. Я знаю все это потому, что, если вас до костей пробирает ледяной ветер, очень хочется на что-нибудь отвлечься. А на стене церкви как раз висит памятная доска, большая и очень подробная. Вот вам, например, известно, что первая жертва эпидемии чумы 1665 года, после которой Лондон сгорел, похоронена здесь, на храмовом кладбище? А я это узнал за те десять минут, что провел за стеной, прячась от ветра.

Сотрудники отдела убийств перетянули сигнальной лентой выходы с западной стороны храмовой площади на Кинг-стрит и Генриетта-стрит, а также фасад здания рынка. Я охранял выход со стороны храма и мог спрятаться от ветра в его портике, в то время как моя коллега Лесли Мэй, тоже стажер, стояла с другой стороны площади и могла укрыться в стенах рынка.

Лесли – невысокая блондинка с беспардонно выпирающим бюстом, который не в силах скрыть даже бронезилет. Мы вместе проходили базовый тренинг в Хендоне, а потом нас направили на стажировку в Вестминстер. Отношения у нас с ней установились исключительно рабочие, несмотря на мое затаенное, но страстное желание пощупать ее задницу под форменными брюками.

Нас, стажеров, должен был контролировать опытный полицейский – каковую обязанность он и исполнял весьма усердно, сидя в круглосуточном кафе на Сент-Мартинс-корт.

У меня зазвонил телефон. Добраться до него было непросто – мешали бронезилет, пояс, дубинка, наручники, рация и объемистый, но, к счастью, непромокаемый светоотражающий жилет. Взяв наконец трубку, я услышал голос Лесли.

– Я пойду возьму кофе, – сказала она. – Ты будешь?

Я высунулся из портика и глянул в сторону рынка. Лесли махала мне рукой.

– Спасительница, – сказал я. Она побежала в сторону Джеймс-стрит, я проводил ее взглядом.

Меньше минуты спустя я вдруг заметил у портика силуэт человека. Какой-то невысокий тип в пиджаке прятался в тени ближайшей колонны.

Я поприветствовал его так, как принято у нас в столичной полиции:

– Эй! А ну стоять!

Незнакомец обернулся, я увидел бледное испуганное лицо. Одет он был в старомодный потрепанный костюм-тройку, при нем были часы на цепочке, а на голове ветхий цилиндр. Я решил, что это один из уличных артистов, которые выступают на территории храмовой площади, – вот только час для представлений малость неподходящий.

– Сюда, идите сюда, – сказал он и поманил меня к себе.

Я еще раз проверил, на месте ли телескопическая дубинка, и двинулся вперед. Предполагается, что полицейские должны всем своим видом довлеть над простыми гражданами, даже если те настроены помочь. Вот почему мы носим тяжелые ботинки и остроконечные вытянутые шлемы. Но подойдя ближе, я понял, что человек этот совсем тщедушный, не выше пяти футов. Чтобы наши лица оказались на одном уровне, мне пришлось наклониться.

– Я видел, как все произошло, сквайр, – проговорил он. – Жуткое зрелище, должен вам сказать.

В Хендоне студентам первым делом вбивают в голову следующее: прежде всего у свидетеля нужно спросить имя и адрес.

– Могу я узнать ваше имя, сэръ?

– Конечно, можете, сквайр. Меня зовут Николас Уоллпенни, только не спрашивайте, как пишется – я не знаю, потому что никогда не получаю писем.

– Вы уличный артист? – спросил я.

– Если вам так угодно, – отвечал Николас, – ибо до этих пор мои представления воистину ограничивались улицей. Но в такую студеную ночь я бы отнюдь не возражал против того, чтобы обратить свою деятельность вовнутрь. Если вы понимаете, о чем я, сквайр.

К лацкану его пиджака был пришпилен значок – оловянный скелетик, застывший в прыжке. Я подумал, что это чересчур готично для оборванного трюкача из подворотни, но Лондон – всемирная сборная солянка, здесь чего только не встретишь.

«Уличный артист», записал я в блокнот.

– Теперь, сэръ, расскажите мне, что именно вы видели, – попросил я.

– Многое, сквайр, многое.

– Вы что же, давно здесь?

Насчет опроса свидетелей я также получил четкие инструкции: никаких намеков. Они всегда должны сами выдавать информацию

– Да-да, я здесь и утром, и днем, и ночью, – закивал Николас. Лекций в Хендоне он явно не посещал.

– Ну, если вы действительно что-то видели, – сказал я, – вам стоит поехать со мной и дать показания.

– Это будет несколько затруднительно, – ответил Николас, – учитывая, что я мертв.

Я подумал, что не расслышал.

– Если вас волнует ваша безопасность...

– Меня ничто уже не волнует, сквайр, – сказал Николас, – с тех пор, как я умер, то есть последние сто двадцать лет.

– Но мы же разговариваем! – вырвалось у меня. – Как это возможно, если вы мертвы?

– Должно быть, у вас особое зрение, – ответил Николас. – Как у старушки Палладино ¹.

Он пристально на меня посмотрел.

– Это у вас, верно, от отца. Кто он, моряк? Или работал на верфи? Вот и губы у вас его, и этими славными кудряшками тоже наверняка он вас наградил.

– Докажите, что вы мертвы, – попросил я.

– Как пожелаете, сквайр, – проговорил Николас и шагнул в круг света от фонаря.

Он был прозрачный, как голографическая картинка. Трехмерный, абсолютно реальный – но прозрачный, черт его дери! Сквозь него я ясно видел белый полог, растянутый криминалистами над местом, где нашли труп.

«Ну ладно, – подумал я. – Поехавшая крыша еще не повод пренебрегать служебными обязанностями».

– Расскажите, что вы видели, – попросил я.

– Я видел, как первый господин – тот, которого убили, – шел от Джеймс-стрит. Видный такой, бравый, с военной выправкой, элегантен весь – этаким щеголь. Во времена моей телесности я бы сказал «первого сорта».

Николас сплюнул – но на асфальт под ногами не упало ни капли. Он продолжал:

– Потом гляжу – идет второй, со стороны Генриетта-стрит. Не такой разряженный: штаны на нем самые простецкие были да клеенчатая рыбацкая накидка. Вон там они встретились. – Николас указал на пяточок метра в десяти от портика. – И я вот что думаю: эти двое друг друга

¹ Эвсапия Палладино – медиум эпохи расцвета спиритуализма из Неаполя, Италия.

знали. Они кивнули друг другу, но чтобы остановиться и поболтать – это нет. И неудивительно: в такую погоду не дело на улице лясы точить.

– Так, значит, они просто разминулись, и все? – переспросил я, отчасти для ясности, но в основном чтобы успеть все записать. – И вы думаете, они знакомы?

– Да, но не более, – ответил Николас. – Вряд ли они были приятели, особенно если учесть случившееся потом.

Я спросил, что же именно случилось потом.

– Так вот, тот, второй, который убийца, вдруг надел колпак и красный сюртук, поднял свою трость и тихо, незаметно, очень быстро – так сон смежает веки – оказался за спиной у первого и одним ударом снес ему голову с плеч.

– Вы издеваетесь? – не поверил я.

– Нет, что вы, как можно! – Николас перекрестился. – Клянусь собственной смертью – а это самое сокровенное, чем может поклясться бедный бесплотный дух. Ужасное было зрелище. Голова слетела с плеч, и кровь хлынула рекой.

– А убийца?

– Он, сделав свое дело, исчез в Нью-Роуд, растворился, словно гончая в лесу, – ответил Николас.

«Нью-роуд, – подумал я, – ведет напрямик к Черинг-Кросс-роуд, а это идеальное место, чтобы поймать такси или мини-кеб, или даже сесть в ночной автобус, если повезет. Стало быть, убийца мог проскочить центр города меньше чем за четверть часа».

– Но это еще не самое страшное, – продолжал Николас, отнюдь не собираясь убавлять градус драматизма. – Этот, который убил, – в нем было что-то сверхъестественное.

– Сверхъестественное? – переспросил я. – И это говорите вы, призрак?

– Я дух, да, – заявил Николас, – потому и могу распознать сверхъестественное с первого взгляда.

– И как же вы его распознали?

– Убийца не стал снимать свой колпак и сюртук. Вместо этого он взял и сменил лицо, – проговорил Николас. – По-вашему, это естественно?

Тут меня окликнули – это Лесли шла обратно с двумя стаканами кофе.

Я на секунду обернулся на нее, и Николас мгновенно исчез.

А я все пялился на пустое место как идиот, пока Лесли не позвала меня снова.

– Ну ты будешь кофе или как?

Я направился к ней по брусчатке храмового двора – Лесли, добрая душа, ждала меня, держа по стаканчику в каждой руке.

– Что-то случилось, пока меня не было? – спросила она.

Я отхлебнул, промолчал. Потому что сказать «я только что говорил с призраком, который видел, как все было», у меня язык не поворачивался.

Назавтра я проснулся в одиннадцать – гораздо раньше, чем планировал. Мы с Лесли сменились в восемь, дополнили до общежития и немедленно завалились спать. В разные кровати, что печально.

Главные плюсы общежития – дешевизна, близость к работе и то, что живешь отдельно от родителей. А минусы в том, что под одной крышей с вами живут личности, настолько лишенные навыков быта, что не способны делить жилплощадь с нормальными людьми. А еще они всегда ходят в тяжелых ботинках. Первое превращает открывание холодильника в увлекательный микробиологический эксперимент, а второе во время пересменки дает полное ощущение горного камнепада.

Я лежал на узкой казенной кровати, уставившись на плакат с певичкой Эстелью на противоположной стене. И плевать, что там говорят, – нельзя стать слишком взрослым, чтобы не радоваться при виде красивой женщины с утра пораньше.

Я провалялся в постели минут десять в надежде, что воспоминания о встрече с привидением развеются вместе с остатками сна. Надежда эта не оправдалась, а потому я встал и направился в душ. Мне предстоял важный день, и требовалась свежая голова.

Полиция Лондона, вопреки мнению большинства, все еще состоит в основном из рабочего класса. И идею белых воротничков не приемлет. Вот почему каждый свежеиспеченный полицейский, независимо от полученной квалификации, обязан пройти стажировку – отпахать два года на улицах города простым постовым. Ибо ничто так не закаляет характер, как работа с гражданским населением, которое вас оскорбляет, плюет в лицо и поливает рвотными массами.

Ближе к концу стажировки вы уже можете подать заявление на вступление в какое-то подразделение, управление или оперативный отдел. Но большинство стажеров продолжают службу в качестве патрульных в своем округе. Управление всегда дает им понять, что решение остаться постовым и нести неоплачиваемую службу на улицах города – это самый что ни на есть правильный выбор. Потому что кто-то должен принимать на себя оскорбления, плевки и рвотные массы, и лично я снимаю шляпу перед храбрыми леди и джентльменами, которые выбрали для себя такую службу.

Именно таково было благородное призвание моего начальника, инспектора Френсиса Неблетта. Он пришел в полицию в незапамятные времена, быстро дослужился до инспектора и остается им уже тридцать лет, чему вполне рад. Инспектор Неблетт – невозмутимый флегматик с прямыми темными волосами и таким плоским лицом, словно по нему ударили лопатой. Он настолько старомоден, что всегда надевает форменный китель поверх положенной белой рубашки – даже когда выезжает патрулировать улицы со «своими парнями».

На сегодня у меня было назначено собеседование с ним – нам предстояло «обсудить» мои дальнейшие карьерные перспективы. Номинально этот шаг в карьерном развитии должен был привести к результату, выгодному как для меня, так и для всего управления. После собеседования будет принято окончательное решение по моему распределению – и я сильно подозревал, что оно вряд ли совпадет с моими желаниями.

В зачуханной общей кухне нашего этажа я встретил Лесли, она выглядела прямо-таки неуместно свежей. В шкафу на полке я нашел парацетамол – в полицейской общаге без него никак. Я съел пару таблеток, запив их водой из-под крана.

– У мистера Безголового появилось имя, – сказала Лесли, пока я варил кофе. – Некий Уильям Скермиш, журналист. Жил где-то в Хайгейте.

– Какие еще новости?

– Да никаких. Зверское убийство, бла-бла-бла. В самом центре города, куда только катится Лондон – и все такое прочее.

– Понятно.

– А ты чего встал в такую рань? – спросила Лесли.

– У меня в двенадцать собеседование с Неблеттом насчет дальнейшей карьеры.

– Ни пуха ни пера, – сказала она.

Инспектор Неблетт назвал меня по имени, и я сразу заподозрил неладное.

– Скажите, Питер, – спросил он, – как вы себе представляете вашу будущую карьеру?

Я поерзал на стуле.

– Ну, вообще-то, – проговорил я, – я подумывал о Департаменте уголовного розыска, сэр.

– Вы хотите стать следователем?

Неблетт всю жизнь носил форму и поэтому воспринимает следователей в штатском так же, как рядовой гражданин – налоговых инспекторов. То есть готов их терпеть как неизбежное зло, но дочку свою замуж за такого не отдал бы.

– Да, сэр.

– Но зачем же так ограничивать себя? Почему не выбрать какое-то спецподразделение?

Потому что стажеру не положено говорить «я хочу работать в Суини² или отделе расследования убийств, разъезжать в большой красивой машине и носить ботинки ручной работы».

– Думаю, сэр, мне стоит начать с этого, а потом уже развиваться дальше, – ответил я.

– Что ж, разумный подход, – согласился Неблетт.

В голове вдруг пронеслась страшная мысль: а что, если меня хотят направить в Трайидент? Это спецподразделение по расследованию преступлений с применением огнестрела, совершенных чернокожими. Поэтому туда всегда стараются привлечь черных полицейских, для невероятно опасной работы под прикрытием. Нет, я вовсе не считаю эту деятельность ненужной, просто слабо подхожу для нее. Каждый должен знать свой предел – мне в свое время через край хватило переехать в Пекхэм и пообщаться там с ямайскими торговцами дурью, будущими уголовниками и странноватыми белыми пацанами, совершенно не понимающими глубин творчества Эминема.

– Я не люблю рэп, сэр.

– Спасибо, – неторопливо кивнул Неблетт, – буду знать.

Надо следить за языком, подумал я.

– Питер, – проговорил он, – за последние два месяца у меня сложилось крайне положительное мнение о вашей компетенции и способности справляться с трудными задачами.

– Спасибо, сэр.

– Кроме того, у вас глубокие научные познания.

В колледже на выпускных экзаменах я набрал балл С по математике, физике и химии³. Такие познания могут считаться научными исключительно в ненаучных кругах. И уж точно они не обеспечили бы мне вожеленного студенческого билета.

– У вас очень хорошо получается переносить свои мысли на бумагу, – добавил Неблетт.

Разочарование тяжелым холодным комком свалилось куда-то в желудок. Я вдруг понял, какую ужасную миссию собралось на меня возложить Управление столичной полиции.

– Нам бы хотелось, чтобы вы подумали насчет вспомогательного отдела, – сказал Неблетт.

Вообще концепция существования этого отдела очень логична. Офицеры полиции, как гласит молва, буквально погрязли в бумажной работе: то подозреваемых надо зарегистрировать, то показания правильно оформить, то требования властей и Закона о полиции неукоснительно соблюсти. Вспомогательный отдел как раз и призван выполнять за констеблей всю бумажную работу, чтобы они, сняв со своих плеч этот груз, могли спокойно возвращаться на улицы и вновь принимать на себя оскорбления, плевки и рвотные массы. Тогда в городе всегда будет достаточно патрульных, преступность будет повержена и добрые жители нашей славной страны станут читать свою «Дейли Мейл» в мире и покое.

По правде говоря, сама работа с документами не так уж утомляет – любой новичок легко справится с ней меньше чем за час и еще успеет маникюр сделать. Но дело в том, что полицейские в основном работают с людьми «живьем и на месте». Запоминают показания подозреваемых, на случай если они солгут при следующем допросе. Без колебаний мчатся на крик о

² Название происходит от «Суини Тодд», что является кокнирифмованным сленгом для «Летучий отряд»: Sweeney Todd – Flying Squad.

³ Программа А – двухлетний курс по дополнительным предметам, необходимым для поступления в высшие учебные заведения. По окончании этого курса проводятся экзамены, по каждому из предметов можно получить балл от А до Е. Для поступления нужно получить балл определенного уровня. Обычно сдается не более трех предметов.

помощи, раскрывают подозрительные свертки и всегда сохраняют хладнокровие. Не то чтобы это нельзя было совмещать с бумажной работой – но так бывает редко. И Неблетт как раз дал мне понять, что из меня не получится крутого полицейского, который ловит воров на улицах, но я принесу большую пользу, если возьму на себя работу с документами, освободив от нее таких ребят. Я готов был поклясться, что эти слова – «большая польза» – вот-вот сорвутся с его языка.

– Сэр, я надеялся на что-то более продуктивное, – проговорил я.

– Это очень продуктивная работа, – ответил Неблетт. – Ваша служба принесет управлению большую пользу.

Как правило, офицеры полиции могут ходить в паб когда захотят. Но в одном случае они делают это обязательно: по окончании стажировки происходит традиционная попойка, где патруль накачивает своих свежее испеченных констеблей до непотребного состояния. В связи с этим нас с Лесли притащили на Стрэнд, в «Рузвельт Тоад», и принялись поить так, чтобы мы легли и не встали. По крайней мере, задумка была именно такая.

– Как прошло? – прокричала мне Лесли, пытаясь перекрыть гомон паба.

– Отвратно! – крикнул я в ответ. – Вспомогательный!

Лесли скривилась.

– А у тебя как?

– Даже говорить не хочу. Ты взбесишься.

– Ну давай уже, – сказал я, – как-нибудь выдержу.

– Меня временно направили в отдел расследования убийств.

На моей памяти такого еще не случилось.

– Следователем будешь?

– Нет, констеблем в штатском, – ответила она. – У них сейчас много работы, а людей не хватает.

Она была права: это меня выбесило.

Вечер был испорчен. Пару часов я сознательно страдал, но терпеть не могу, когда кто-то начинает себя жалеть, в особенности я сам. Поэтому вышел на улицу, надеясь охолонуть под дождем, который до того лил как из ведра

Не повезло: пока мы сидели в пабе, он кончился. «Ладно, – подумал я, – хоть ветер холодный, может, протрезвею».

Минут через двадцать ко мне присоединилась Лесли.

– Надень пальто, черт побери! – проворчала она. – Простынешь же насмерть!

– Да разве тут холодно?

– Так и знала, что ты расстроишься.

Я надел пальто.

– Твой клан уже знает? – спросил я.

У Лесли, помимо папы, мамы и бабушки, есть еще пять старших сестер. Все они до сих пор живут в Брайтлинси, на ста квадратных метрах родительского дома. Я их видел раз или два, когда они всей толпой совершали вылазку в Лондон, пройти по магазинам. И шумели при этом так, что вполне могли сойти за банду (то есть семью) нарушителей спокойствия, и нуждались бы в полицейском эскорте, если бы он в лице Лесли и меня уже не сопровождал их.

– Да, сказала днем, – ответила Лесли. – Все очень обрадовались, даже Таня, а она толком и не понимает, что это значит. А ты своим рассказал?

– О чем? – спросил я. – Что буду сидеть в офисе?

– Ничего плохого в этом нет.

– Да, но я хотел быть настоящим копом.

– Я знаю, – сказала Лесли. – Но почему?

– Потому что хочу приносить пользу обществу, – ответил я. – Ловить злодеев.

– А может, носить китель с блестящими пуговицами, а? Застегивать наручники и говорить: «Вот ты и попался, приятель»?

– Хранить и поддерживать общественный порядок, – возразил я. – И возродить его из хаоса.

Лесли грустно покачала головой.

– А кто тебе сказал, что он есть, этот порядок? Вот мы дежурили в субботу ночью – много ты видел порядка?

Я собирался небрежно облокотиться о фонарный столб, но не вышло – меня слегка повело в сторону. Лесли это позабавило гораздо больше, чем мне хотелось. Она так хохотала, что даже присела на ступеньку входа в книжный «Уотерстон», чтобы перевести дух.

– Ну ладно, – сказал я, – а *ты-то* почему выбрала эту профессию?

– Потому что это я действительно умею, – ответила Лесли.

– Скажешь, ты такой уж хороший коп?

– Еще какой! Давай будем объективными, я офигенный коп.

– А я?

– А ты слишком рассеянный.

– Вовсе нет.

– Канун Нового года, Трафальгар-сквер, толпа народу, кучка недоумков мочится в фонтан – помнишь? Ситуация начала выходить из-под контроля, недоумки стали бузить – и что же подельвал ты?

– Я всего-то на пару секунд отлучился.

– Ты изучал надпись у льва на заднице, – припечатала Лесли. – Я пыталась скрутить пьяных гопников, а ты тем временем занимался историческими исследованиями.

– А хочешь узнать, что там было написано? – спросил я.

– Нет, – ответила Лесли, – не хочу. Ни про надпись на львиной заднице, ни про принцип работы сообщающихся сосудов, ни про то, почему одна сторона Флорал-стрит на сто лет старше другой.

– Тебе это неинтересно?

– Да пойми, мне просто не до того, когда я скручиваю гопников, ловлю угонщиков или приезжаю на смертельные аварии. Ты мне нравишься, ты хороший парень – но ты видишь мир вокруг не так, как его должен видеть коп. Ты как будто видишь что-то, чего нет на самом деле.

– Например?

– Не знаю, – пожала плечами Лесли, – я ж не вижу того, чего нет.

– А между прочим, полезный был бы навык для копа, – сказал я.

Лесли фыркнула.

– Нет, ну правда, – продолжал я, – вчера ночью, пока ты потакала своей кофеиновой зависимости, я нашел свидетеля, которого на самом деле нет.

– Вот именно, – сказала Лесли.

– Но как свидетель мог что-то увидеть, если его не существует, спросишь ты?

– Спрошу.

– Мог, если он – призрак.

Лесли уставилась на меня и пару секунд молчала.

– Моя версия – это был ответственный за камеры наружного наблюдения, – наконец выдала она.

– Что? – не понял я.

– Ну, чувак, который просматривал запись с камеры наружного наблюдения. Это и есть свидетель, которого там не было. Но мне нравится эта выдумка про призрак.

– Это не выдумка, я действительно его допрашивал, – сказал я.

– Какая чушь.

Тогда я рассказал ей о Николасе Уоллпенни и об убийце, который прошел мимо жертвы, развернулся, сменил костюм и снес несчастному...

– Напомни-ка, как звали жертву?

– Уильям Скермиш, – ответила Лесли, – так сказали в новостях.

– ...и снес несчастному Уильяму Скермишу голову с плеч.

– А вот этого в новостях не было.

– Отдел расследования не хочет афишировать такие детали, – сказал я. – Для проверки свидетеля.

– Это того, который призрак? – уточнила Лесли.

– Именно.

Она поднялась со ступеньки, слегка пошатываясь, но потом снова обрела устойчивость и сфокусировала взгляд.

– А вдруг он и сейчас там?

Холодный воздух наконец начал оказывать на меня отрезвляющее действие.

– Кто?

– Ну, этот твой призрак, как его – Николас Никлби⁴? Вдруг он там и остался, на месте преступления?

– Откуда же мне знать, – ответил я. – Я вообще в призраков не верю.

– Тогда пошли поищем, – предложила Лесли. – И если я тоже увижу его, это будет подтверд... тверд... довод, в общем.

– Ладно, – сказал я, – пойдем.

И мы с ней рука об руку пошли по Кинг-стрит в сторону Ковент-Гардена.

Тем вечером у храма наблюдалось полнейшее отсутствие призрака по имени Николас. Мы взяли за исходную точку портик, где я его встретил. И поскольку Лесли, даже в стельку пьяная, не растеряла ни капли полицейской дотошности, мы принялись методично прочесывать территорию храмовой площади, следуя по ее периметру.

– Нужна картошка, – проговорила Лесли, когда мы пошли по второму кругу. – Или кебаб.

– Может, он не появляется, потому что я не один? – предположил я.

– А может, сегодня просто не его смена, – отозвалась Лесли.

– Ну и хрен с ним, – сказал я. – Пошли возьмем по кебабу.

– Во вспомогательном отделе ты добьешься успеха, – проговорила Лесли. – И кроме того, ты...

– Только попробуй сказать «принесешь большую пользу» – и я за себя не отвечаю.

– Я хотела сказать «внесешь разнообразие», – сказала Лесли. – Сможешь, например, поехать в Штаты. Уверена, тебя возьмут в ФБР.

– В качестве кого?

– Ну, вдруг им нужен двойник Обамы.

– А вот за это ты угостишь меня кебабом, – сказал я.

Но в итоге у нас просто не хватило сил дойти до кебаб-хауса, и мы направились обратно в общежитие. Лесли была не в том состоянии, чтобы приглашать меня к себе. Я же находился в той стадии алкогольного опьянения, когда лежишь, уставившись в потолок, а комната кружится перед глазами. А ты размышляешь то о природе Вселенной, то о раковине – успеешь ли добежать до нее прежде, чем тебя вывернет наизнанку.

Назавтра был мой последний выходной, последняя возможность доказать, что способность видеть невидимое жизненно необходима современному офицеру полиции. Иначе – здравствуй, вспомогательный отдел.

⁴ Николас Никлби – герой воспитательного романа Чарльза Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никлби».

– Извини за вчерашний вечер, – сказала Лесли.

Нынче утром мы с ней оказались одинаково неспособны вынести ужасы общажной кухни – а потому предпочли рабочую столовую. Несмотря на то что половину ее персонала составляют пухленькие полячки, а другую половину – тощие сомалийцы, меню здесь (как и во всех, наверно, казенных учреждениях) представляет собой стандартную кухню английской забегаловки. Кофе был дрянным, чай – горячим, сладким и подавался в кружках. Им я и ограничился. Лесли, напротив, выбрала полноценный английский завтрак.

– Да ладно, – ответил я, – но ты много потеряла.

– Да не за это! – Она шлепнула меня по руке плоской стороной ножа. – За то, что я сказала, какой из тебя коп.

– Ничего, – сказал я. – Я принял к сведению твое мнение и, конструктивно обдумав его сегодня утром, нашел изящный, действенный, а главное, творческий способ добиться карьерного роста.

– И что же ты собираешься делать?

– Взломать архив ХОЛМС, чтобы проверить показания того призрака, – ответил я.

В каждом полицейском участке есть хотя бы один кабинет с компьютером, подключенным к системе ХОЛМС. Это единая информационная система Министерства внутренних дел⁵, благодаря которой копы, слабо подкованные в компьютерных технологиях, приобщаются к инновациям конца двадцатого века. Однако пока рано говорить о том, чтобы они в этом смысле шагнули в век двадцать первый.

В системе хранится вся информация, имеющая отношение к крупным преступлениям. Это позволяет следователям из разных отделов сопоставлять данные и избегать ошибок, ведущих к громкому конфузу, как случилось с долгой охотой на Йоркширского потрошителя. Новую версию этой системы хотели назвать ШЕРЛОК, но не смогли подобрать слова для расшифровки этой аббревиатуры. Поэтому назвали просто ХОЛМС-2.

Теоретически в ХОЛМС-2 можно зайти и с ноутбука, но в управлении предпочитают, чтобы сотрудники заходили туда со стационарных компьютеров: их нельзя, например, забыть в поезде или заложить в ломбарде. Когда расследуется крупное преступление, такие компьютеры, бывает, переносят в диспетчерские для большего удобства. Мы с Лесли могли бы обратиться непосредственно к компьютеру, но рисковали попасть кому-нибудь на глаза. И я решил просто подключиться с ноутбука к локальной сети в одной из свободных диспетчерских – так гораздо проще и спокойнее.

Три месяца назад я проходил ознакомительный тренинг по системе ХОЛМС-2 и был полон энтузиазма: надеялся, что меня возьмут в отдел по расследованию крупных преступлений. Теперь-то стало ясно: меня просто натаскивали на вбивание данных в систему. Дело по убийству в Ковент-Гардене я нашел меньше чем за полчаса. Некоторые очень несерьезно относятся к безопасности паролей. Вот и инспектор Неблетт для входа в систему вбил имя и дату рождения своей младшей дочери – просто вопиющее легкомыслие. Под его паролем нужные нам документы открылись для чтения.

В старой системе было слишком мало памяти для тяжелых файлов, но ХОЛМС-2, созданная всего десять лет назад, пока не очень отстала от технического прогресса. Следователи могут загружать туда фотографии улик, сканы документов и даже записи с камер видеонаблюдения. Для этих целей есть специальная папка «Видеоматериалы по делу». Это как YouTube для копов.

⁵ Home Office Large Major Enquiry System – сокращенно HOLMES. Аббревиатура полностью совпадает с написанием фамилии Шерлока Холмса, культовой личности для британской полиции.

Следователи из отдела расследования убийств, работающие с делом Уильяма Скермиша, первым делом загрузили туда запись с камеры наружного наблюдения. Это был большой и тяжелый файл, и я немедленно приступил к его изучению.

Согласно протоколу, камера висела на углу Джеймс-стрит и была направлена на запад. Запись оставляла желать лучшего: очень темная и с частотой один кадр в секунду. Но даже на ней легко было узнать Уильяма Скермиша – он шел по направлению к Генриетта-стрит.

– А вот и подозреваемый, – показала пальцем Лесли.

На экране появился еще один силуэт – насколько я разобрал, мужчина в джинсах и кожаной куртке. Он прошел мимо Уильяма Скермиша и исчез за нижней гранью экрана. В комментариях он был обозначен как свидетель А.

На экране появился третий человек – он шел в обратную сторону, удаляясь от камеры. Я нажал на паузу.

– Это вроде бы не он, – сказала Лесли.

Однозначно – у этого второго на голове был колпак, как в мультике про смурфиков, а одет он был во что-то вроде смокинга времен короля Эдуарда. И не спрашивайте, откуда я знаю, как это выглядит. Допустим, просто люблю сериал «Доктор Кто». Николас сказал, смокинг был красный, но черно-белая запись не позволяла убедиться. Я отмотал пару кадров назад, потом снова вперед. Первый, свидетель А, исчез из поля зрения – и через два кадра на экране уже появился второй, в смурфошляпе.

– Он переоделся за две секунды, – сказала Лесли. – Это физически невозможно.

Я кликнул на следующий кадр. Человек в смурфошляпе достал бейсбольную битку и осторожно зашел в тыл Уильяму Скермишу. Момент занесения битки пришелся на разрыв между кадрами, но сам удар было четко видно. Следующий кадр – тело Скермиша валится на землю, а у портика появляется небольшое темное пятно – несомненно, голова.

– Боже мой, – охнула Лесли. – Он реально снес ему голову с плеч.

В точности как сказал Николас.

– Скорей уж это физически невозможно, – сказал я.

– Ты уже видел, как человеку сносит голову, – сказала Лесли. – И я тоже, помнишь?

– Автокатастрофа, – припомнил я. – Но там было две тонны железа, а здесь – бейсбольная бита.

– Да, но факт остается фактом, – сказала Лесли, постучав пальцем по экрану.

– Тут что-то не так.

– Помимо того, что убийство зверское?

Я кликнул обратно – на экране снова появился Смурфошляпа.

– Ты видишь тут битку?

– Нет, – призналась Лесли. – Обе руки у него свободны – может, он повесил ее за спину?

Я кликнул вперед. На третьем кадре бита возникла в руках у Смурфоршляпы из ниоткуда, как по волшебству, – но это мог быть просто визуальный эффект, вызванный секундным разрывом между кадрами. И все равно что-то тут не вязалось.

– Эта штука гораздо больше любой бейсбольной биты, – понял я.

Она лишь на треть уступала в высоте человеку, который ее держал. Я пару раз щелкнул клавишей туда-сюда, но так и не понял, откуда он ее извлек.

– Да, похоже, этот парень любит говорить очень тихо ⁶, – заметила Лесли.

– И где же продаются биты такого размера?

– «Биг Бэт Шоп»? – предположила Лесли. – Или «Бэтс Ар Юэс»?

– Давай-ка глянем, может, где-нибудь видно его лицо?

⁶ Западноафриканская пословица «говори тихо, но держи в руках большую дубинку, и ты далеко пойдешь» использовалась в речи Т. Рузвельта в отношении стран Латинской Америки. Идеология большой дубинки – политика силового вмешательства.

– Или в «Плюс Сайз Бэтс»? – не унималась Лесли.

Не удостоив ее ответом, я снова кликнул вперед. Все убийство заняло три секунды, уловившись, соответственно, в три кадра записи: замах, удар и падение. На четвертом кадре было видно лицо Смурфошляпы. Он стоял почти в профиль, можно было различить выступающий подбородок и крупный крючковатый нос. На следующем кадре он уже двинулся обратно, и гораздо медленнее, чем шел к месту убийства. Изображение было нечетким и слегка дрожало, но мне показалось, что шел он абсолютно спокойно. Бита исчезла из его рук спустя два кадра после убийства – и я опять-таки не понял, куда и каким образом.

Я решил увеличить картинку с лицом и стал искать, как это можно сделать.

– Идиот, – проговорила Лесли. – Отдел убийств наверняка уже все сделал сам.

Она оказалась права. Файл с видеозаписью содержал ссылки на увеличенные изображения Уильяма Скермиша, свидетеля А и Смурфошляпы. В отличие от телевидения у видеозаписи есть четкий предел, до которого можно увеличить кадр. Не важно, цифровая запись или нет – если там чего-то нет, ты этого не увидишь. Но ребята из фотолаборатории постарались на совесть. Лица на кадрах расплывались, и все равно было понятно, что это три разных человека.

– Получается, он был в маске, – сказал я.

– Ты начинаешь выдумывать, – отозвалась Лесли.

– Нет, ты глянь на его нос, – возразил я. – И на подбородок – разве у человека может быть такое лицо?

– Похоже, в отделе убийств с тобой согласны. – Лесли указала на примечание к увеличенным кадрам. Оно содержало список «шагов» по проработке улик, одним из них была проверка масок в театральных костюмерных, ателье и карнавальных магазинах. Правда, этот пункт значился как второстепенный.

– Ага! – воскликнул я. – Значит, это таки мог быть один и тот же человек?

– Но скажи на милость, как можно успеть переодеться за две секунды? – спросила Лесли.

Поскольку все файлы с материалами взаимосвязаны, я быстренько проверил, удалось ли отделу убийств найти свидетеля А. Оказалось, что нет, не удалось, и в списке дальнейших шагов его поиски были на первом месте. Я не сомневался – будет пресс-конференция, объявят о поиске свидетелей. Прямо-таки в ушах звучала первая фраза: *Полиция крайне заинтересована в том, чтобы опросить...*

Что касается Смурфоршляпы, камера отследила его перемещение по Нью-Роуд, что опять же совпадает со словами Николаса. Но потом, перед камерой на Сент-Мартинс-лейн, он исчез. Согласно плану, половина отдела расследования убийств сейчас прочесывала этот район, ища улики и потенциальных свидетелей.

Лесли поглядела на меня и поняла, что я собираюсь сделать.

– Нет, – проговорила она.

– Николас...

– Николас-призрак, – вставила Лесли.

– Материально неполноценная сущность по имени Николас, – поправил я, – дала верные показания о появлении убийцы, точно описала само убийство, назвала причину смерти. Он также был прав насчет того, куда убийца скрылся, а между тем у нас нет ни одного кадра, на котором были бы одновременно Смурфошляпа и свидетель А.

– Смурфошляпа?

– Подозреваемый, – сказал я. – Я должен сообщить об этом в отдел расследования убийств.

– И что же ты скажешь старшему следователю? – спросила Лесли. – Типа, я видел призрак, который утверждает, что убийца – свидетель А, надевший маску?

– Нет. Скажу, что со мной связался предполагаемый свидетель, который, хотя и не смог сообщить свое имя и адрес, тем не менее выдал потенциально интересную версию, способную ускорить раскрытие данного преступления.

После моей тирады Лесли немного помолчала. Потом спросила:

– И ты надеешься, это поможет тебе не попасть во вспомогательный отдел?

– Попытка не пытка.

– Но погоди, этого же недостаточно, – возразила Лесли. – Во-первых, они уже отрабатывают версии по свидетелю А, включая вариант с маской. Во-вторых, ты мог узнать все это, просто-напросто просмотрев видеоматериалы.

– Но они же не знают, что я подобрал пароль.

– Питер, – проговорила Лесли, – на записи один человек снес другому голову. К концу дня это видео расплзется по всему интернету, если только не попадет еще раньше в вечерние новости.

– Тогда, – ответил я, – я найду новые зацепки.

– Ты опять собрался искать того призрака?

– Составишь компанию?

– Нет уж, – сказала Лесли. – Завтра самый важный день в моей карьере, и я собираюсь сегодня пораньше отправиться в постель, с чашкой горячего шоколада и Блэкстоновским «Справочником полицейского следователя».

– Ну и ладно, – сказал я. – По-моему, это ты его в прошлый раз спугнула.

Итак, экипировка охотника за призраками должна включать в себя: термобелье (важнее всего!), теплую куртку, термос, запас терпения. Ах да, еще нужен призрак.

Достаточно быстро я осознал, что большей глупости не совершал, наверно, за всю жизнь. Около десяти я занял наблюдательный пункт номер один – сел за столик в кафе и стал ждать, пока посетители разойдутся. Когда кафе закрылось, я неспешно подошел к портику храма и стал ждать там. Снова было очень холодно, а значит, подумал я, нетрезвые граждане, вываливаясь из пабов, не станут бить друг другу морды на улице. Мимо прошла компания подвыпивших девиц – человек двенадцать, все в огромных розовых футболках, в заячьих ушах и на высоких каблуках. Их бледные ноги пошли пятнами от холода. Одна, оглянувшись, заметила меня.

– Шел бы ты домой, – крикнула она, – он все равно не придет.

Ее подруги визгливо захохотали.

– Все симпатные парни – голубые, – пожаловалась одна другой.

Эта мысль посетила и меня, когда я увидел человека на другой стороне храмовой площади. Он внимательно наблюдал за мной. С появлением большого количества гей-клубов, пабов и тематических чатов одиноким мужчинам больше незачем холодными темными вечерами бродить возле общественных туалетов и кладбищ в поисках парня на ночь. Но некоторым все равно нравится, несмотря на риск отморозить себе нижний этаж. Кто их знает почему.

Ростом он был примерно метр восемьдесят (то есть шесть футов по-старому), одет в великолепный костюм, подчеркивающий широкие плечи и тонкую талию. На вид лет сорок с небольшим, овальное лицо с правильными чертами, темные волосы, старомодно зачесанные на косой пробор. Мне показалось, что глаза у него серые, но тусклый свет фонарей не давал разглядеть как следует. В руке он держал трость с серебряным навершием, и можно было не глядя сказать, что ботинки на нем ручной работы. Единственное, чего ему не хватало, – это молодого цветного бойфренда, и я в случае чего был готов банальнейшим образом позвать полицию.

Незнакомец двинулся в мою сторону, и я решил, что не ошибся насчет молодого цветного бойфренда.

– Добрый вечер, – сказал он. Выговор у него был самый что ни на есть классический, как у английских злодеев в голливудских фильмах. – Чем вы тут занимаетесь?

Я решил не врать.

- Охочусь на призрака.
- Занятно. На какого-то определенного?
- Да, его имя Николас Уоллпенни.
- Ваше имя и адрес?

Ни один нормальный лондонец не станет за просто так отвечать первому встречному на такой вопрос.

- Простите?

Незнакомец достал из кармана пиджака визитницу.

– Томас Найтингейл, шеф-инспектор отдела расследования убийств, – представился он, протягивая удостоверение.

- Констебль Питер Грант, – ошалело произнес я в ответ.

- Участок Черинг-Кросс?

- Да, сэр.

Он улыбнулся странной улыбкой.

– Работайте дальше, констебль, – сказал он и, развернувшись, неспешно направился в сторону Джеймс-стрит.

Ура. Я только что сообщил шеф-инспектору отдела расследования убийств, что ловлю призраков. Соответственно, если он поверил, то решил, что у меня поехала крыша. А если нет – подумал, что я тут пытаюсь снять какого-нибудь парня, дабы предаться непристойным действиям в нарушение общественного порядка.

Между тем искомый призрак так и не соизволил явиться.

Вам когда-нибудь случалось убежать из дома? Я за свою жизнь проделал это дважды. В первый раз в девятилетнем возрасте, тогда я дошел лишь до «Аргоса» на Кэмден Хай-стрит. А второй раз, в четырнадцать, – аж до железнодорожной станции Истон, и уже просматривал расписание, как вдруг решил вернуться. Ни в первый, ни во второй раз меня не искали, чтобы отвести домой, – и в обоих случаях мама вряд ли успевала заметить мое отсутствие. Папа так уж точно не успевал.

Оба этих приключения закончились одинаково – я просто в какой-то момент понимал, что мне так или иначе придется вернуться домой. Для меня, девятилетнего пацана, «Аргос» был границей изведанного мира. Дальше, за этой гранью, были станция метро и большое здание со статуями кошек, а еще дальше – другие улицы, по которым катили автобусы, везущие людей в унылые и пустые, пропахшие пивом клубы в подвальных этажах.

В четырнадцать я стал более сознательным. У меня не было знакомых ни в одном городе из железнодорожного расписания, и я сомневался, что, если уеду куда-нибудь, мне там будет лучше, чем в Лондоне. Денег у меня, вероятно, хватило бы только на билет до Поттерс-Бара, и даже если бы я умудрился проехать зайцем – на что бы я купил себе еды? Строго говоря, денег было достаточно, чтобы поесть раза три, но потом все равно пришлось бы возвращаться к маме с папой. Таким образом, я просто медлил, не спеша садиться в автобус, оттягивая момент возвращения домой.

Вот и сейчас, в три часа ночи в Ковент-Гардене, на меня накатило сходное ощущение. Все возможные варианты развития событий сводились назад, к одному-единственному. Неизбежному. Не судьба мне разъезжать на красивой дорогой машине и говорить злоумышленникам: «Вот ты и попался, приятель». Я отправлюсь во вспомогательный отдел приносить «большую пользу».

Развернувшись, я поплелся назад, в участок.

За спиной у меня вроде бы кто-то тихонько засмеялся.

Глава 2

С собакой за призраком

Наутро Лесли поинтересовалась, как прошла моя охота за призраком. Мы с ней околачивались возле кабинета Неблетта – места, откуда должен был последовать решающий удар судьбы. Вообще-то нас туда никто не звал, но дольше мучиться неопределенностью было невыносимо.

– А знаешь, в жизни есть вещи и похуже вспомогательного отдела, – заметил я.

Пару минут мы молчали, обдумывая эту мысль.

– Пробки, – сказала Лесли. – Они точно хуже.

– Да, зато ты будешь кататься на хороших машинах, – возразил я, – на «БМВ-5» или на «Мерседесе» премиум-класса.

– Какой же ты все-таки меркантильный, Питер, – поморщилась Лесли.

Я хотел было возмутиться в ответ, но тут дверь кабинета открылась, и на пороге возник Неблетт. Похоже, он ничуть не удивился, увидев нас. Протянул Лесли письмо, но она почему-то не торопилась его распечатывать.

– Вас ждут в Белгравии ⁷, – сказал Неблетт, – давайте-ка, ноги в руки!

В Белгравии находится офис Вестминстерского отдела по расследованию убийств. Лесли нервно помахала мне и унеслась по коридору.

– Вот настоящая гроза воров, – сказал Неблетт, проводив ее взглядом. Повернулся ко мне и нахмурился.

– А вас, – сказал он, – я даже не знаю, как и назвать.

– Я инициативный сотрудник, который принесет управлению большую пользу, сэр, – напомнил я.

– Пройдоха вы редкостный, только и всего, – буркнул Неблетт и протянул мне вместо конверта листок бумаги.

– Будете работать с шеф-инспектором Томасом Найтингейлом.

На листке было название и адрес суши-бара на Нью-Роуд.

– А на какое подразделение, сэр? – спросил я.

– Насколько я понял, на отдел расследования экономических и профессиональных преступлений, – ответил Неблетт. – Им нужен сотрудник в штатском, и советую поторопиться.

Отдел расследования экономических и профессиональных преступлений – это такая «корзина для бумаг», куда попадают дела из самых разных спецподразделений, от связанных с искусством и антиквариатом до иммиграционных и «компьютерных». Но главное, не из вспомогательного отдела! Я решил и впрямь поторопиться, пока он не передумал, – но прошу заметить, удалился с достоинством, а не вприпрыжку, как некоторые.

Нью-Роуд, узкая пешеходная улица между Ковент-Гарденом и Сент-Мартинс-лейн, пролегает от супермаркета «Теско» до театров. Где-то в ее середине, между частной художественной галереей и магазином женской спортивной одежды, втиснулся ресторанчик «Токио Гоу-Гоу». В его узком и тесном зале едва хватает места для столиков в два ряда. Оформлен он в стиле традиционного японского минимализма – полированный деревянный пол, столы и стулья также из лакированного дерева, повсюду прямые углы, в декоре преобладает рисовая бумага.

Найтингейл обнаружился за дальним столиком, перед ним стоял коричневый лакированный поднос-бенто. Я подошел, инспектор поднялся и протянул мне руку. Я сел напротив, и он спросил, присоединюсь ли я к трапезе. Я вежливо отказался, поскольку взял за правило нико-

⁷ Белгравия – район Вестминстера к юго-западу от Букингемского дворца.

гда не есть холодный рис, будучи на нервах. Найтингейл заказал чай и спросил, не возражаю ли я, если он закончит обедать.

Я сказал «конечно нет», и он вновь принялся ловкими движениями палочек извлекать еду из своего бенто.

– Вы его дождались? – внезапно спросил инспектор.

– Кого?

– Этого вашего призрака, – сказал он, – Николаса Уоллпенни. Он попрошайка, вор и плут. Покойный прихожанин святого Джайлса. Рискнете предположить, где его могила?

– На кладбище Церкви актеров?

– Точно, – сказал Найтингейл и ловко подцепил палочками ролл с уткой. – Так он вернулся?

– Нет, – ответил я.

– Призраки такие непредсказуемые, – вздохнул он. – Как свидетели они очень ненадежны.

– Хотите сказать, они действительно существуют?

Найтингейл аккуратно вытер губы салфеткой.

– Вы сами разговаривали с одним из них – так как, по-вашему?

– Я бы хотел услышать мнение старшего по званию.

Он отложил салфетку и взял с подноса свою чашку.

– Призраки существуют, – кивнул он и отхлебнул чай.

Я вытаращил глаза. Нет, сам я никогда не верил ни в призраков, ни в фей, ни в богов, но последние пару дней я как будто смотрел шоу иллюзионистов и ждал, что вот-вот откуда-нибудь из-за занавески появится волшебник и предложит мне вытянуть карту из колоды. Скажу больше, я и не готов был поверить в призраков, но, если сталкиваешься с чем-то нос к носу, приходится признать, что оно есть на самом деле.

А если призраки и вправду есть?

– То есть вы сейчас скажете, что у нас в столичной полиции есть некое секретное подразделение, которое занимается призраками, вурдалаками, феями, демонами, ведьмами и колдунами, эльфами и гоблинами? Прервите меня, пока я еще не всех сказочных существ перебрал.

– Вы даже еще толком не начали, – ответил он.

– Стоит добавить пришельцев? – предположил я, чтобы хоть что-то сказать.

– Нет, пока нет.

– А секретное подразделение все-таки есть?

– Боюсь, я его единственный сотрудник, – сказал инспектор.

– Но в чем же будет заключаться моя... служба?

– Будете мне помогать, – ответил он, – в расследовании этого дела.

– Так вы считаете, в этом убийстве было что-то сверхъестественное?

– Давайте вы расскажете мне о показаниях вашего свидетеля, – предложил Найтингейл, – а там посмотрим.

И я рассказал ему о Николасе, о том, как убийца переоделся перед нападением, о записи с камеры наблюдения и о версии отдела убийств насчет того, что это были два разных человека. Когда я умолк, Найтингейл жестом попросил у официантки счет.

– Жаль, я не знал этого всего вчера, – сказал он. – Можно было еще успеть найти следы.

– Какие следы, сэр? – удивился я.

– Следы сверхъестественного, – ответил он. – Они всегда остаются.

Ездил Найтингейл на самом настоящем «Ягуаре Марк 2», с двигателем ХК6 на 3,8 литра. Мой папа ради возможности купить такую машину продал бы свою трубу – а тогда, в шестидесятые, это значило немало. Машина была уже не новая, на корпусе виднелось несколько вмятин, и через водительскую дверь тянулась здоровенная царапина. Кожа салона уже слегка

потрескалась, но, когда Найтингейл завел мотор, шестицилиндровый двигатель издал совершенно идеальный звук, мягкий и мощный.

– Я знаю, вы сдали экзамены продвинутого уровня по естественным наукам, – сказал Найтингейл, вырывая с парковки, – так почему не пошли учиться дальше?

– Я отвлекся от занятий, сэр, – ответил я. – Мои баллы были слишком низкими, чтобы я мог поступить туда, куда хотел.

– Неужели? Что же вас отвлекло? – спросил он. – Не музыка ли? Возможно, вы играли в какой-то группе?

– Нет, сэр, все было гораздо прозаичнее, – ответил я.

Мы проехали Трафальгар-сквер и благодаря неброскому значку столичной полиции на лобовом стекле быстро проскочили через улицу Мэлл, мимо Букингемского дворца, и выехали на Виктория-стрит. Отсюда, если подумать, было только две дороги – либо в Белгравию, где отдел по расследованию убийств разместил свой временный штаб, либо в Вестминстерский морг, куда отвезли тело убитого. Я очень надеялся на первый вариант, но шеф-инспектор, конечно, выбрал второй.

– Но вы владеете научными методами, не так ли? – спросил Найтингейл.

– Разумеется, сэр, – ответил я. И отметил про себя: срочно почитать про методы Бэкона, Декарта и Ньютона. Наблюдения, гипотезы, эксперименты – все, что найду, когда доберусь до ноутбука.

– Отлично, – сказал Найтингейл. – Мне нужен кто-то, кто способен мыслить ясно и объективно.

«Ну точно, в морг», – подумал я.

Официально он называется «Центр судмедэкспертизы имени Иэна Веста» и представляет собой результат весьма удачной попытки Министерства внутренних дел превратить один из муниципальных моргов в пафосное заведение, как в американских фильмах. Здесь, чтобы не дать неряшливым копам случайно испортить следовые улики на телах, созданы специальные смотровые, в которых установлены телеэкраны. Изображение транслируется туда непосредственно из операционной, где проходит аутопсия. Таким образом, даже самые жуткие случаи воспринимаются не так тяжело, больше напоминая чернушный документальный фильм. Меня это более чем устраивало, но Найтингейл, напротив, сказал, что нам необходимо увидеть труп вблизи.

– Зачем? – спросил я.

– Затем, что кроме зрения есть и другие формы восприятия, – сказал Найтингейл.

– Имеете в виду экстрасенсорное восприятие?

– Просто будьте готовы ко всему.

Лаборанты заставили нас облачиться в специальные костюмы и надеть респираторы и только потом допустили в лабораторию. Мы не были родственниками погибшего, поэтому ради нас не стали прикрывать тканью место, где голова отделена от тела. И я вдруг очень порадовался, что не стал ничего есть в том ресторанчике.

Похоже, при жизни Уильям Скермиш ничем особо не выделялся. Средних лет, среднего роста, рыхлый, но без лишнего веса. Я с удивлением понял, что не боюсь смотреть на отрезанную голову и рваный край мышц и кожи на месте шеи. Люди привыкли думать, что первый труп, который видит полицейский, – это жертва убийства, но обычно это бывают погибшие в автокатастрофах. Я впервые увидел труп на второй день своей работы, когда курьера, ехавшего на велосипеде, переехал грузовик, оторвав ему голову. После такого к трупам не то чтобы при- выкаешь – просто осознаешь, что могло бы быть гораздо страшнее. Я смотрел на безголового мистера Скермиша без всякого удовольствия, но ожидаемого отвращения тоже не было.

Найтингейл склонился над телом так низко, что его лицо почти соприкоснулось с изуродованной шеей мертвеца. Покачал головой, оглянулся на меня.

– Помогите перевернуть.

Я совсем не хотел прикасаться к мертвому телу даже в стерильных перчатках, но трусить и отказываться было поздно. Тело оказалось тяжелее, чем я ожидал, – холодное, негнущееся. Я перевернул его на живот, и оно с тихим шлепком легло на стол. Я тут же шагнул прочь от стола, но Найтингейл поманил меня обратно.

– Мне нужно, чтобы вы как можно ближе наклонили голову к его шее, закрыли глаза и сказали, что чувствуете.

Я не двинулся с места.

– Обещаю, вы сразу все поймете, – сказал инспектор.

Если бы не респиратор и защитный экран для глаз, я бы точно поцеловался с этим мертвым типом. Я закрыл глаза, как было велено. Вначале просто пахло спиртом, медицинской сталью и свежeweымытой кожей, но несколько секунд спустя я почувствовал что-то еще. Как будто рядом чесался, пыхтел и вилял хвостом кто-то маленький, лохматый, с мокрым носом

– И так? – поинтересовался Найтингейл.

– Собака, – ответил я. – Маленькая брехливая собачонка.

Рычание, лай, крик, бульжники мостовой, мелькнувшие перед глазами, удары палки, смех – визгливый, сумасшедший хохот.

Я резко выпрямился.

– Нападение, потом смех? – спросил Найтингейл.

Я кивнул.

– Что это такое? – спросил я.

– Это и есть сверхъестественное, – ответил шеф-инспектор. – Оно оставляет некий след, воспоминание. Если вы посмотрите на яркий свет, а потом закроете глаза, – ощущение останется. Так и здесь. Мы называем это *вестигием* – следовым отпечатком.

– А как убедиться, что мне не показалось? – спросил я.

– Нужна практика, – сказал Найтингейл. – Со временем научитесь.

К счастью, на этом мы закончили и вышли из лаборатории.

– Но я очень смутно это почувствовал, – сказал я, пока мы переодевались. – Они всегда настолько слабые, эти следы?

– Тело пролежало в холодильной камере два дня, – ответил инспектор, – а трупы не очень хорошо держат *вестигии*.

– Значит, появление отпечатка было вызвано чем-то очень мощным? – предположил я.

– Именно, – согласился Найтингейл. – Из этого следует, что собака играет здесь какую-то важную роль, и нам необходимо выяснить какую.

– Возможно, это была собака мистера Скермиша?

– Возможно, – сказал Найтингейл. – Давайте с этого и начнем.

Переодевшись, мы направились к выходу из морга, но тут нас подстерегло несчастье.

– Говорят, тут здорово воняет, – прогремело позади нас. – И чтоб я сдох, если это не так!

Мы замедлили шаг и развернулись.

Шеф-инспектор Александер Сивелл ростом два метра, у него грудь колесом, пивной живот и голос, от которого дребезжат стекла. Родом он вроде бы откуда-то из Йоркшира, и, как для многих чокнутых северян, переезд в Лондон был для него более дешевой альтернативой психиатрической лечебнице. Я его знал только по слухам, которые призывали никогда, ни при каких обстоятельствах не злить его. Он несся на нас как племенной бык, и, глядя на него, я с трудом подавил желание спрятаться за Найтингейла.

– Найтингейл, это гребаное дело расследую я! – взревел Сивелл. – Мне плевать, что вы там мутите, но я не позволю вам со своей потусторонней херней лезть в работу нормальных полицейских

– Уверяю вас, инспектор, – спокойно ответил Найтингейл, – я не собираюсь вмешиваться в ваше расследование.

Тут Сивелл заметил меня.

– А это еще кто, черт возьми? – спросил он.

– Это констебль Питер Грант, – сказал Найтингейл. – Мой подчиненный.

Эти слова явно ошарашили Сивелла. Он очень внимательно посмотрел на меня, потом снова повернулся к Найтингейлу.

– Вы что, взяли ученика?

– В ближайшее время будет окончательное решение.

– Еще посмотрим, – бросил Сивелл. – Было соглашение, не забывайте!

– Было, не спору, – кивнул Найтингейл, – но обстоятельства меняются.

– Меняются они, хрена с два, – буркнул Сивелл. Как мне показалось, уже не так уверенно.

Он снова повернулся ко мне.

– Послушай совета, сынок, – тихо сказал он. – Сваливай-ка подальше от этого типа, пока не поздно.

– У вас все, инспектор? – поинтересовался Найтингейл.

– Просто не лезьте в мое расследование, – бросил Сивелл.

– Если я где-то нужен, я подключаюсь, – сказал Найтингейл. – Таковы условия соглашения.

– Обстоятельства, черт их возьми, *могут* измениться, – сказал Сивелл. – А теперь прошу прощения, джентльмены, я спешу на промывание прямой кишки.

Сказав это, он развернулся, пронесся по коридору и вышел вон, оглушительно хлопнув створчатыми дверьми.

– Какое соглашение? – спросил я.

– Не берите в голову, – уклонился от ответа Найтингейл. – Давайте лучше попробуем отыскать ту собачку.

Над районом Кэмден возвышаются два холма: Хэмпстед – на востоке, а Хайгейт – на западе. Между ними гигантской зеленой седловиной пролегает Хит, один из самых больших парков Лондона. Склоны обоих холмов спускаются к Темзе и к пойме, над которой высится центр Лондона.

Дартмут-парк, где проживал Уильям Скермиш, находится на самом пологом склоне Хайгейта, в шаговой доступности от Хита. Скермиш жил на усаженной деревьями тихой улице, по которой почти не ездили машины, на первом этаже многоквартирного углового дома, перестроенного из здания Викторианской эпохи.

Ниже по склону Хайгейта находятся Кентиш-Таун, Лейтон-роуд и жилой комплекс, где я вырос. Кое-кто из моих одноклассников жил в двух шагах от дома Скермиша, так что этот район я знал отлично.

Мы показали удостоверения дежурному копу, охранявшему вход, и тут за занавеской в окне второго этажа мелькнуло чье-то лицо. Как и во многих перестроенных домах, стены когда-то элегантного холла залепили гипскартоном, что дало эффект тесноты и скудного освещения. В дальнем конце холла втиснули вплотную друг к другу две дополнительные входные двери. Правая была приоткрыта, хоть и перетянута полицейской оградительной лентой. А левая, очевидно, вела в ту квартиру, где при виде нас дернули занавеску.

У Скермиша была чистое, аккуратное жилище. Мебель представляла собой причудливое смешение стилей – так обставляют свое жилище люди простые, лишенные чрезмерных амбиций. Книжных стеллажей было меньше, чем я ожидал увидеть в доме журналиста. Фотографий, наоборот, было много, но все детские портреты были черно-белые либо абсолютно выцветшие, сделанные допотопным «Поляридом».

– Так выглядит жизнь в тихом отчаянии, – сказал Найтингейл. Я знал, что это сказал кто-то умный, но не собирался доставлять ему удовольствие вопросом, кто именно.

Шеф-инспектор Сивелл при всех своих недостатках дураком не был. Отдел расследования убийств явно провел здесь большую работу. На телефоне, на рамках с фотографиями и ручках дверей остались следы дактилоскопического порошка. Книги, вынутые из стеллажей, были поставлены обратно вверх ногами. Последнее почему-то вызвало у Найтингейла неожиданно сильное раздражение.

– Какая небрежность, – покачал он головой.

Ящики стола были выдвинуты – их исследовали и оставили чуть приоткрытыми, чтобы не спутать, какие осмотрены, а какие еще нет. Все стоящее внимания обязательно бы зафиксировали и вбили в ХОЛМС (наверняка силами несчастных молокососов вроде Лесли), но в отделе убийств ничего не знали о моих экстрасенсорных способностях и *вестигии* лающей собаки.

А собака-то была. Либо Скермиш питал слабость к корму «Пол Мити Чанкс» в аппетитном соусе – но сомневаюсь, что градус его тихого отчаяния был *настолько* высок.

Я набрал Лесли.

– Ты сейчас можешь зайти в ХОЛМС?

– Да я, блин, отсюда не вылезая с тех пор, как пришла! – взорвалась она. – Заставили, чтоб их, вбивать данные и сверять показания!

– О как, – проговорил я, стараясь не слишком злорадствовать, – а угадай, где я?

– В квартире Скермиша, в долбаном Дартмут-парке, – проворчала Лесли.

– Откуда знаешь?

– Оттуда. Шеф-инспектор Сивелл у себя в кабинете орет об этом так, что сквозь стену слышно, – ответила она. – Кто такой инспектор Найтингейл?

Я косил глаза на Найтингейла, который выжидающе смотрел на меня.

– Потом расскажу, – пообещал я. – Нам тут нужна кое-какая информация, ты можешь посмотреть?

– Конечно, – сказала Лесли, – что тебя интересует?

– Отдел убийств при обыске случайно не обнаружил тут собаку?

Я услышал в трубке щелканье клавиш – Лесли просматривала нужные файлы.

– Никакая собака в отчете не упоминается, – ответила она наконец.

– Спасибо, – сказал я. – Мы очень ценим твой вклад.

– А вот за это ты сегодня угостишь меня выпивкой, – буркнула она и положила трубку.

Я сообщил Найтингейлу, что никакой собаки не было.

– Ну тогда пойдёмте навестим любознательную соседку, – предложил он. Очевидно, тоже заметил лицо в окне, когда мы заходили.

У входной двери над звонками был установлен домофон. Не успел Найтингейл нажать кнопку, как раздался писк, дверь открылась, и голос в динамике домофона произнес: «Заходите, пожалуйста». Еще звонок, и вторая дверь тоже открылась. За ней обнаружилась лестница – пыльная, но в целом довольно чистая. Мы стали подниматься и тут услышали тявканье маленькой собачки. Дама, встретившая нас наверху, не закрашивала седину фиолетовой краской. Откровенно говоря, я плохо себе представляю, как выглядят волосы, выкрашенные фиолетовой краской, и почему некоторым вообще приходит в голову это делать. У нее не было ни перчаток без пальцев, ни стада кошек – но что-то в ее облике подсказывало: в недалеком будущем, возможно, появится и то и другое. Однако пока она выглядела очень стройной и подтянутой для пожилой леди и ничуть не казалась дряхлой. Звали ее миссис Ширли Пэлмарон.

Она тут же пригласила нас в гостиную с мебелью, оставшейся, наверное, аж с семидесятых, и предложила нам чаю с печеньем. Потом отправилась хлопотать на кухню, а пес, короткошерстный белый с рыжим метис терьера, вилял хвостом и без конца лаял. Похоже, никак не мог понять, кто из нас двоих страшнее, а потому вертел головой, глядя то на меня, то на

Найтингейла, и не умолкал ни на секунду. В конце концов инспектор направил на него указательный палец и что-то прошептал себе под нос. Пес тут же улегся на бок и уснул.

Я глянул на Найтингейла, но тот только молча приподнял бровь.

– Тоби заснул? – спросила миссис Пэлмарон, заходя в гостиную. В руках у нее был поднос с чаем. Найтингейл тут же вскочил, помог примостить его на журнальном столике. Подождал, пока хозяйка сядет, только потом уселся обратно.

Тоби дернул лапой и заворчал во сне. Похоже, этот пес просто не способен лежать неподвижно, пока жив.

– Такой маленький, а столько шума, – проговорила миссис Пэлмарон, разливая чай.

Теперь, когда Тоби лежал относительно тихо, я огляделся вокруг. Вообще-то квартира мало походила на жилье собачницы. На камине в рамках стояли фотографии – очевидно, мистера Пэлмарона и детей, но никаких кружевных салфеток и веселенького ситца. И ни тебе шерсти на обивке дивана, ни собачьей корзины у камина. Я достал блокнот и ручку и спросил:

– Это ваш пес?

– Упаси бог, – сказала миссис Пэлмарон. – Его хозяином был несчастный мистер Скермиш, но я-то уж давненько за ним присматриваю. Славный малый, если к нему привыкнуть.

– Значит, он у вас оказался еще до гибели мистера Скермиша? – спросил Найтингейл.

– А как же, – с удовольствием сообщила миссис Пэлмарон, – видите ли, Тоби у нас скрывается от правосудия. У него тут политическое убежище.

– И в чем же он провинился? – спросил Найтингейл.

– Его разыскивают за нанесение тяжких телесных повреждений, – ответила миссис Пэлмарон. – Он укусил человека. Прямо за нос! Даже полицию вызывали.

Она глянула на Тоби. Тот во сне увлеченно гонялся за крысами.

– Так-то, дружок, – сказала она, – если б я тебя не приютила, светила бы тебе тюрьма, а потом и усыпление.

Я связался с участком в Кентиш-Тауне, они меня переключили на Хэмпстед, и там я узнал, что да, действительно, был такой вызов – перед самым Рождеством в парке Хит собака напала на человека. В отчете говорилось только, что потерпевший не стал писать заявление, но мне сообщили имя и адрес пострадавшего: Брендон Купертаун, Дауншир-хилл, Хэмпстед.

– Вы заколдовали эту собаку, – сказал я, как только мы вышли на улицу.

– Совсем немного, – ответил Найтингейл.

– Так, значит, магия существует. Получается, вы... кто?

– Маг.

– Как Гарри Поттер?

Найтингейл вздохнул.

– Нет, – проговорил он. – Не как Гарри Поттер.

– В каком смысле?

– Я, в отличие от него, не сказочный персонаж, – сказал Найтингейл.

Сев обратно в «Ягуар», мы направились на запад. Объехали по южной окраине Хит, потом свернули на север и стали подниматься на Хэмпстед. Верхняя часть его склона представляет собой лабиринт узких улочек, сплошь забитых «БМВ» и крутыми джипами. Стоимость домов исчисляется в семизначных цифрах. Если здесь и есть место тихому отчаянию, то оно, скорее всего, связано с вещами, которые нельзя купить за деньги.

Найтингейл оставил машину на парковке для жильцов, и мы принялись подниматься по Дауншир-хилл в поисках нужного дома. Им оказался один из величественных викторианских особняков, расположенных на северной стороне дороги. Очень красивый дом, в готическом стиле, с эркерами и ухоженным садом вокруг. Дом был рассчитан на двух хозяев, но, судя по отсутствию домофона, целиком принадлежал Купертаунам.

Подойдя к двери, мы услышали детский плач – монотонный писклявый вой, какой учиняет младенец, твердо вознамерившийся пореветь как следует и способный заниматься этим целый день напролет. В таком шикарном доме я ожидал увидеть няню или, по крайней мере, экономку – но женщина, открывшая нам дверь, выглядела слишком измученной, и я понял: хозяйка.

Августа Купертаун, лет тридцати или около того, была высокая, светловолосая и родом из Дании. Про свою национальность она объявила практически сразу. До появления ребенка у нее была подтянутая, спортивная фигура, но роды сделали свое дело: бедра раздались вширь, на ляжках отложился жир. Эти обстоятельства она тоже упомянула, и тоже почти сразу. Виноваты же, по ее глубокому убеждению, были англичане, не способные поддерживать в своей стране высокие стандарты сервиса, достойные уважающей себя скандинавской женщины. Не знаю, что она имела в виду – может, датские роддома все как один оборудованы спортзалами?

Для беседы с нами была выбрана проходная гостиная, она же столовая, с некрашеным деревянным полом и отделанными вагонкой стенами. Честно говоря, такое количество сосновой доски радует мой глаз исключительно в сауне. И, несмотря на все усилия хозяйки, присутствие младенца уже начало сказываться на бескомпромиссной чистоте этого дома. Под массивный дубовой сервант закатилась детская бутылочка, а на стереосистеме «Бэнг и Олафсен» валялись скомканные ползунки. Пахло прокисшим молоком и детской рвотой.

Младенец лежал в своей кроватке за четыре сотни фунтов и орал без умолку.

Над аккуратным гранитным камином, выполненным в минималистичном стиле, группами висели семейные фотографии. Брендон Купертаун был приятным мужчиной сорока с небольшим лет, с тонкими, изящными чертами лица. Как только миссис Купертаун отлучилась на минутку, я тайком сфотографировал этот портрет на мобильный.

– Я и забыл, что так можно, – шепнул Найтингейл.

– Добро пожаловать в двадцать первый век, – отозвался я и добавил: – Сэр.

Миссис Купертаун вернулась в гостиную, и инспектор вежливо встал. На этот раз я не замедлил последовать его примеру.

– Могу я узнать, кем работает ваш супруг? – поинтересовался он.

Супруг ее был телепродюсер, и довольно известный: получал премии Британской академии кино и телевидения, сотрудничал с американскими компаниями. Это объясняло возможность выложить семизначную сумму за дом. Он мог бы достичь и большего, но отсталость британского телевидения безжалостно перекрыла ему путь к высотам мирового продюсирования. Опять эти британцы в своем репертуаре – нет бы снимать передачи не только для своих сограждан или хотя бы подбирать более-менее привлекательных актеров.

Комментарии миссис Купертаун насчет закоснелости английского телевидения весьма впечатляли, однако нам пришлось перейти к инциденту с собакой.

– Это тоже в вашем духе, – сказала миссис Купертаун. – Разумеется, Брендон не стал писать заявление в полицию – он же *англичанин*, вот и предпочел все замять. Но тем не менее полиция должна была привлечь к ответу хозяина собаки. Животное опасно для общества, это же очевидно – оно вцепилось бедному Брендону прямо в нос.

Ребенок внезапно умолк, и мы вздохнули с облегчением – но оказалось, он прервался, только чтобы срыгнуть, после чего продолжил вопить. Я повернулся к Найтингейлу и взглядом указал на кроватку. Может, ребенка можно унять тем же заклинанием, что и Тоби? Но инспектор в ответ только нахмурился. Возможно, детей заколдовывать нельзя по этическим соображениям.

По словам миссис Купертаун, до инцидента с собакой ребенок вел себя идеально. А сейчас – ну, сейчас у него, должно быть, зубки режутся, а может, колики или отрыжка мучает. Педиатр в клинике не смог назвать причину и вообще был не очень любезен. Наверно, лучше будет подыскать частного доктора.

– Но как же пес умудрился укусить вашего мужа за нос? – спросил я.

– Что вы имеете в виду?

– Вы сказали, что собака укусила его за нос, – повторил я, – но она же очень маленькая. Как это могло произойти?

– Мой муж по глупости к ней наклонился, – сказала мисс Купертаун. – Мы пошли гулять в Хит, все втроем, и тут навстречу бежит эта собака. Мой муж наклонился ее погладить – а она цап его за нос, вот так, без предупреждения. Сначала это показалось мне забавным, но Брендон принялся кричать от боли, и тут прибежал маленький противный человечек и давай орать: «Ой, что вы делаете с моим бедным песиком, отпустите его немедленно!»

– «Маленький противный человечек» – это хозяин пса? – спросил Найтингейл.

– Да, он очень противный, и собачонка у него такая же.

– Ваш супруг, надо полагать, расстроился?

– Кто же вас, англичан, поймет? – пожала плечами миссис Купертаун. – Я побежала искать кровоостанавливающее, а когда вернулась, Брендон смеялся. Вам бы, англичанам, только смеяться надо всем без разбора. Мне пришлось самостоятельно вызывать полицию. Полиция приехала, Брендон показал свой нос, и они дружно покатались со смеху. Всем было весело, даже противной собачонке было весело.

– Только вам было не до смеха, – предположил я.

– Дело не в этом, – поджала губы миссис Купертаун. – А в том, что если собака кусает взрослого мужчину, что помешает ей укусить ребенка или, еще хуже, младенца?

– Могу я узнать, где вы были ночью во вторник? – спросил Найтингейл.

– Там же, где и в любую другую ночь, – сказала она, – здесь, рядом с сыном.

– А ваш супруг?

Августа Купертаун, блондинка, стерва, но далеко не дура, спросила в ответ:

– Почему это вас интересует?

– Неважно, – проговорил Найтингейл.

– Я думала, вы пришли из-за той собаки.

– Так и есть, – сказал инспектор, – но нам необходимо, чтобы кое-какие подробности ваш муж подтвердил лично.

– По-вашему, я все это выдумала? – спросила женщина. Теперь у нее был вид испуганного кролика – после пяти минут беседы со следователем так выглядит любой среднестатистический гражданин. А тот, кто сохраняет спокойствие дольше, либо опытный злоумышленник, либо иностранец, либо просто идиот. Все три варианта могут запросто привести за решетку, если вести себя неосторожно. Так что, если уж вам выпало пообщаться с полицейскими, мой совет – держитесь спокойно, но вид сделайте слегка виноватый, это самый надежный вариант.

– Что вы, разумеется, нет, – успокоил ее Найтингейл. – Но поскольку он потерпевший, нам необходимо получить его показания.

– Он сейчас в Лос-Анджелесе, – сказала Августа. – Вернется сегодня, очень поздно.

Найтингейл оставил ей свою визитку и заверил, что он, как и все добропорядочные полицейские, крайне серьезно относится к нападениям маленьких противных собак на людей, и этот случай он так не оставит.

– Вы что-нибудь ощутили в доме? – спросил инспектор, когда мы вышли.

– Вы имеете в виду *вестигий*?

– *Вестигии*, – поправил он. – Во множественном числе – *вестигии*, отпечатки. Вы почувствовали там какие-либо отпечатки?

– Честно говоря, нет, – ответил я. – Даже отпечатков не уловил.

– Без конца рыдающий младенец, измученная мать, а отца нет дома, – задумчиво проговорил инспектор. – Я уж молчу о возрасте этого самого дома. Нет, что-то там точно должно было быть.

– Она же помешана на чистоте, – сказал я. – Возможно, пылесос поглотил всю магию?
– Что-то ее поглотило, это факт, – согласился Найтингейл. – Что ж, завтра пообщаемся с ее мужем. А сейчас давайте вернемся в Ковент-Гарден и попробуем взять след там.

– Но прошло уже три дня, – возразил я. – Разве *вестигии* держатся так долго?

– Камень очень хорошо сохраняет их. Именно поэтому у старых зданий такая атмосфера. С другой стороны, там такой поток людей и столько своих собственных бесплотных черт, что выявить что-то новое будет непросто.

Мы дошли до «Ягуара», и тут я спросил:

– А животные способны чувствовать *вестигии*?

– Зависит от животного.

– Как насчет того, которое все равно уже замешано в этом деле?

– А чего это мы пьем у тебя? – поинтересовалась Лесли.

– Потому что с собаками в паб не пускают, – ответил я.

Лесли сидела на моей кровати. Она наклонилась почесать Тоби за ушами – тот заскулил от удовольствия и стал тыкаться ей лбом в коленку.

– А ты бы сказал, что это специальная охотничья собака, работает по призракам.

– Мы не охотимся на призраков, а ищем следы сверхъестественной энергии, – уточнил я.

– Он что, правда волшебник? – спросила Лесли. – Так и сказал?

Я начинал жалеть, что рассказал ей.

– Правда. Я видел, как он колдовал и все такое.

Мы пили «Гролш» – Лесли умыкнула один ящик с общей рождественской вечеринки и припрятала в кухне под стенкой, за оторванным куском гипсокартона.

– Помнишь типа, которого мы на прошлой неделе задержали за разбойное нападение?

– Забудешь такое, как же.

Истинная правда – меня в тот раз крепко приложили о стену

– Так вот, похоже, ты тогда слишком сильно ударился головой, – сказала Лесли.

– Да нет же! – сказал я. – Все это существует на самом деле – и призраки, и магия.

– А почему же тогда я не чувствую, чтобы что-то изменилось? – спросила она.

– Потому что все это было и есть вокруг тебя, просто ты никогда не замечала. Ничего не изменилось, вот ты ничего и не чувствуешь. Прикинь? – сказал я и допил бутылку.

– А я думала, ты рационалист, – буркнула Лесли, – и веришь в научный подход.

Она протянула мне новую бутылку, я приподнял – мол, твое здоровье!

– Слушай, – стал я объяснять, – вот мой папа всю жизнь играл джаз – знаешь, да?

– Конечно, – ответила Лесли. – Помнишь, ты меня с ним даже знакомил? Он мне очень понравился.

От этих воспоминаний меня чуть не передернуло.

– А ты знаешь, что главное в джазе – это импровизация?

– Нет, – ответила она, – я думала, главное – петь про большие бабки и деревянные смокинги.

– Забавно, – усмехнулся я. – А вот я как-то раз застал папу трезвым да и спросил, как он понимает, что именно надо играть. И он сказал: «Свою». Идеальную сольную линию просто сразу чувствуешь. Надо только ее нащупать – и все, дальше она сама тебя ведет.

– Ну и к чему ты это?

– А к тому, что способности Найтингейла укладываются в мою картину мира. Это мое, моя «сольная линия».

Лесли расхохоталась.

– Так ты у нас волшебником стать решил?

- Не знаю.
- Врешь, – сказала она, – тебе хочется стать его учеником, овладеть магией и научиться летать на метле.
- Вряд ли настоящие маги летают на метлах.
- Сам-то понимаешь, что несешь? – спросила Лесли. – Ну откуда тебе знать? Вот мы тут сидим, а он, может, как раз носится где-то неподалеку.
- Ну когда у тебя есть такая машина, как «Ягуар», ты вряд ли будешь страдать фигней типа полетов на метле.
- Тоже верно, – согласилась Лесли, и мы чокнулись бутылками.

* * *

Снова ночь, снова Ковент-Гарден, снова я. На этот раз с собакой.

Плюс ко всему сегодня еще и пятница, то есть вокруг полно вдрызг пьяной молодежи, говорящей на дюжине разных языков. Тоби мне пришлось взять на руки, иначе он тут же потерялся бы в толпе. Пес был в восторге от прогулки – он то рычал на туристов, то вылизывал мне лицо, то пытался засунуть нос под мышку проходящим мимо людям.

Я предложил Лесли присоединиться ко мне в формате бесплатной переработки, но она почему-то отказалась. Переслал ей фото Брендона Купертауна, и она пообещала внести его данные в ХОЛМС. Было чуть больше одиннадцати, когда мы с Тоби добрались наконец до площади у Церкви актеров. Найтингейл поставил свой «Ягуар» максимально близко от храма, но вне зоны досягаемости эвакуатора.

Я подошел, как раз когда он выходил из машины. При нем была та же самая трость с серебряным навершием, с которой я его впервые увидел. «Интересно, – подумал я, – есть ли у этой штуки какое-то особое назначение, помимо того что она может послужить весомым и ухватистым аргументом, если возникнут трудности».

- Как планируете действовать? – поинтересовался Найтингейл.
- Вам виднее, сэр, – ответил я, – вы ведь эксперт.
- Я просмотрел справочную литературу на эту тему, – сказал он, – но безрезультатно.
- А что, об этом есть справочная литература?
- О чем только ее нет, констебль, вы себе просто не представляете.
- У нас есть два варианта, – сказал я. – Один из нас проведет пса по периметру места преступления, либо мы его отпускаем и смотрим, куда он направится.
- Думаю, оба варианта и именно в таком порядке, – решил Найтингейл.
- Хотите сказать, управляемый прогон будет результативнее?
- Нет, – ответил Найтингейл, – но если мы отпустим с поводка, он тут же сбежит, и конец эксперименту. Оставайтесь здесь и наблюдайте.

За чем именно наблюдать, он не сказал, но что-то мне подсказывало, что я и так знаю. И точно – как только Найтингейл и Тоби скрылись за углом рынка, я услышал чье-то призывное «пссст». Повернулся и увидел за одной из колонн Николаса. Он поманил меня к себе.

- Сюда, сквайр, сюда, – сипел он, – быстрее, пока он не вернулся.

Он завел меня за колонну – здесь, среди теней, его бестелесная фигура выглядела внушительней и уверенней.

- Известна ли вам природа того, в чьем обществе вы обретаетесь? – спросил он.
- Конечно, – ответил я, – вы призрак.
- Я не о себе – прошептал Николас, – а о том, другом. В славном костюме и с серебряной колотушкой.
- А, инспектор Найтингейл? Он мой начальник, – ответил я.

– Не подумайте, я не хочу вам указывать, – сказал Николас, – но если бы я выбирал себе начальника, то предпочел бы кого-то другого. С мозгами не набекрень.

– В каком смысле?

– Вот попробуйте-ка его спросить, в каком году он родился, – посоветовал Николас.

Послышался лай Тоби, и мой собеседник в тот же миг исчез.

– Вы, Николас, явно ищете себе проблем, – проворчал я.

Вернулся Найтингейл, с Тоби, но без новостей. Я не стал рассказывать ему ни о призраке, ни о том, что он про него наболтал. Почему-то мне кажется очень важным не нагружать начальство лишней информацией.

Я взял Тоби на руки, так что его придурковатая мордочка оказалась вровень с моим лицом. И сказал, стараясь не обращать внимания на запах «Мясных ломтиков в соусе»:

– Вот что, Тоби, твой хозяин умер. Я собак не люблю, а мой начальник может одним взглядом превратить тебя в пару варежек. Тебе светит билет в один конец в приют «Баттерси» и, соответственно, вечный сон. Единственный твой шанс не переселиться в небесную конуру – это напрячь все свои суперспособности и помочь нам выяснить, кто... или что убило твоего хозяина. Ты меня понимаешь?

Тоби шумно пыхтел, высунув язык. Потом коротко тявкнул.

– Вот и ладненько, – сказал я и спустил его наземь. Он тут же отбежал к колонне, чтобы задрать лапку.

– Я бы не стал превращать его в варежки, – проговорил Найтингейл.

– В самом деле?

– Он короткошерстный, так что эти варежки выглядели бы ужасно, – объяснил инспектор, – но вот шапка вышла бы неплохая.

На месте, где лежало тело Скермиша, Тоби вдруг приник носом к асфальту. Потом поднял голову, снова гавкнул и бросился бежать в сторону Кинг-стрит.

– Вот черт, – расстроился я. – Это не входило в план.

– Давайте за ним, – скомандовал Найтингейл.

Это я услышал уже на бегу. Шеф-инспекторам бегать не пристало, на это у них есть констебли. Я устремился за Тоби – а он, как и все мелкие крысоподобные собаки, мог, если хотел, лететь пулей. Прощмыгнул мимо «Теско» и понесся по Нью-роуд. Его короткие лапки мелькали, словно в плохо прорисованном мультфильме. Но я за те два года, что гонялся за пьяными идиотами на Лестер-сквер, все-таки выработал и скорость, и выносливость. На Сент-Мартинс-лейн я его почти догнал, но он успел скрыться в Сент-Мартинс-корт, а мне пришлось огибать длинный хвост голландских туристов, выходящих из театра Ноэля Каурда.

– Полиция! – заорал я. – Дайте дорогу!

Кричать: «Хватайте собаку!» – постеснялся, я же профессионал все-таки.

Тоби пролетел мимо рыбного ресторана «Джей Сикей», мимо арабской закуской на углу, молнией метнулся через Черинг-Кросс-роуд – одну из самых оживленных улиц Лондона. Чтобы ее перейти, надо было остановиться и посмотреть по сторонам, но Тоби, к счастью, тоже тормознулся – задрал лапу на автобусной остановке, возле билетного автомата. Он самодовольно глянул на меня. Такой вид бывает у всех маленьких собак, когда они полностью обманули ваши ожидания – например, набезобразили в палисаднике. Я посмотрел, какие автобусы здесь останавливаются. Одним из них был 24-й номер, маршрут Кэмден-Таун, Чок Фарм, Хэмпстед.

Подъехал Найтингейл, и мы вместе пересчитали камеры наблюдения. Пять из них были направлены точно на остановку, на них она просматривалась полностью. Плюс еще камеры, которые Лондонская транспортная служба вешает непосредственно в автобусах. Я отправил Лесли эсэмэску с просьбой срочно просмотреть запись камеры 24-го автобуса. Не сомневаюсь, она была в восторге, учитывая время суток.

Но оплатила тем же довольно быстро – позвонила уже в восемь утра.

Ненавижу зиму. Просыпаешься – а на улице темно.

– Ты вообще когда-нибудь спишь? – проворчал я.

– Кто рано встает, тому бог подает, – ответила она. – Помнишь, ты мне прислал фото Брендона Купертауна? Так вот, он сел в 24-й автобус на Лестер-сквер меньше чем через десять минут после убийства.

– Сивеллу уже сообщила?

– Разумеется, – ответила она. – Я тебя люблю, ценю и уважаю, но не настолько, чтобы похерить ради тебя карьеру.

– А что именно ты ему сказала?

– Что у меня появилась зацепка по свидетелю А, но вообще их за последние пару дней несколько сотен набралось.

– А он что?

– Велел проработать ее.

– По словам миссис Купертаун, ее муж должен был вернуться сегодня.

– Совсем хорошо.

– Заедешь за мной?

– Конечно, – согласилась Лесли. – А как же твой Волдеморт?

– У него есть мой номер.

Я успел принять душ и хлебнуть кофе, а потом вышел на улицу. Лесли прикатила на «Хонде Аккорд» десятилетней давности. На этой машине, судя по ее виду, частенько устраивали облавы на наркоторговцев. Тоби запрыгнул на заднее сиденье. Лесли скривилась:

– Если что, это чужая машина.

– Мне не хотелось оставлять его у себя в комнате, – сказал я, глядя, как Тоби вынюхивает что-то между сиденьями. – А это точно был Купертаун?

Лесли протянула мне пару распечатанных кадров. Угол, под которым висела камера в автобусе, позволял четко рассмотреть лица входящих пассажиров. Ошибка исключалась, это был именно он.

– А это у него что, синяки? – спросил я. На щеках и шее Купертауна были вроде какие-то пятна. Лесли не знала, но я подумал – ночь была промозглая, он мог выпить немного, вот и пошел пятнами на холоде.

По случаю субботы пробки были просто жуткие, и мы ехали через Хэмпстед целых полчаса. Увы, когда мы добрались до Дауншир-хилл, я увидел среди «БМВ» и «Рендж Роверов» знакомый обтекаемый силуэт «Ягуара». Тоби принялся твэкать.

– А он когда-нибудь спит? – спросила Лесли.

– Думаю, всю ночь работал, – сказал я.

– Ну ладно, мне он не начальник, – пожал плечами Лесли, – поэтому я намерена выполнить свою работу. Ты со мной?

Оставив Тоби в машине, мы направились к дому. Инспектор Найтингейл вышел из машины и перехватил нас у самых ворот. Я обратил внимание, что на нем снова вчерашний костюм.

– Добрый день, Питер. Констебль Мэй, – кивнул он Лесли. – Я так понимаю, ваше расследование принесло плоды?

Старшему по званию перечить нельзя, будь ты хоть сто раз королева бюста. Лесли это знала и потому рассказала Найтингейлу о записи камеры в автобусе. И о том, что благодаря собаке, работающей по призракам, мы на девяносто процентов уверены, что Брендон Купертаун если не убийца, то как минимум свидетель А.

– Вы запросили у аэропорта его полетные данные? – спросил инспектор.

Я глянул на Лесли, та пожал плечами.

– Нет, сэр, – ответил я.

– Следовательно, в момент убийства он мог еще быть в Лос-Анджелесе.

– Мы хотели спросить его самого, сэр.

Тоби внезапно начал лаять – не подтягивать, как обычно, а именно лаять, громко и сердито. А меня на миг накрыло странное ощущение – как будто я на футбольном поле и вокруг шумит толпа болельщиков, радуясь забитому голу. Ощущение мелькнуло и исчезло.

Найтингейл вдруг резко развернулся лицом к особняку Купертаунов.

До нас донесся звон разбитого стекла, потом женский крик.

– Констебль, стойте! – крикнул Найтингейл, но Лесли уже бросилась к дому. Влетела через ворота в сад – и замерла так резко, что мы чуть не врезались в нее. На газоне перед домом что-то лежало, Лесли в ужасе смотрела туда.

– Боже милостивый, – прошептала она.

Я тоже посмотрел. В голове не укладывалось, что кто-то способен выбросить грудного ребенка из окна второго этажа. Нет, в ней метались шальные мысли, что там просто тряпка или, может, кукла. Но ни тряпкой, ни куклой это не было.

– Вызывайте «Скорую», – велел Найтингейл и бросился вверх по ступенькам. Я судорожно схватился за телефон, Лесли кинулась к лежащему ребенку, с разбегу упала на колени. Я на автомате набрал «Скорую», сообщил адрес. Лесли пыталась реанимировать младенца, вдывая ему воздух в нос и рот, как нас учили.

– Грант, сюда, – скомандовал Найтингейл. Голос его звучал спокойно, по-деловому. Я поднялся по ступенькам на крыльцо. Очевидно, он успел вышибить дверь – сорванная с петель, она лежала внутри на полу. Я прошел по ней в холл. Тут пришлось остановиться: мы никак не могли понять, откуда доносится шум.

Женщина снова закричала – без сомнения, на втором этаже. Потом послышались глухие удары, словно ковер выбивали. А затем раздался голос, явно мужской, но высокий и какой-то писклявый.

– Что, теперь голова не болит? – провизжал он.

Я не помню, как взбежал наверх. Помню, что внезапно оказался на площадке перед дверью, рядом с Найтингейлом. Увидел Августу Купертаун – она лежала вниз лицом, одна рука свешивалась вниз, в проем балюстрады. Волосы намokли от крови, из-под щеки стремительно растекалась красная лужа. Над ней стоял мужчина. В руках у него была деревянная дубинка длиной метра полтора, не меньше. Он тяжело дышал.

Найтингейл не колебался ни секунды. Выставив плечо, он ринулся вперед, намереваясь, очевидно, остановить его захватом, как в регби. Я бросился следом, готовясь заломить злоумышленнику руки, как только он окажется на полу. Но он вдруг повернулся вокруг своей оси и легко, играючи ударил Найтингейла с такой силой, что тот отлетел назад, впечатавшись спиной в балюстраду.

Я изумленно пялился на лицо преступника. Умом я понимал, что это Брендон Купертаун, но опознать его не мог, хоть тресни. Один глаз было видно, второй залеплял кусок кожи, сорванный вкруговую с носа. На месте рта была кровавая яма, полная осколков костей и зубов. Я был так потрясен, что оступился и упал. Это и спасло мне жизнь – Купертаун как раз взмахнул дубинкой, и она просвистела прямо у меня над головой.

Как только я грохнулся, этот ублюдок рванул к выходу, прямо по мне. Удар тяжелого ботинка по спине вышиб воздух из легких. Было слышно, как грохочут по лестнице его шаги. Я перевернулся, встал на колени, опираясь на руки. Под пальцами было мокро и скользко. Я только сейчас увидел широкую кровавую полосу, которая тянулась через всю площадку и лестницу.

Потом снизу раздался грохот и несколько глухих ударов.

– Надо встать, констебль, – проговорил Найтингейл.

– Что это за хрень? – спросил я. Инспектор поддерживал меня под руку. Я глянул вниз. На полу холла лежал Купертаун – или черт его знает кто. Лицом вниз, к счастью.

– Понятия не имею, – ответил инспектор. – Пожалуйста, постарайтесь не наступать на кровь.

Я спускался по возможности быстро. Кровь на ступеньках была ярко-алая, артериальная. Я представил, как она фонтаном била из развороченного лица. Я наклонился и с опаской коснулся его шеи, ища пульс. Не нашел.

– Что тут случилось? – спросил я.

– Питер, – сказал инспектор Найтингейл, – я прошу вас отойти от тела и со всей осторожностью выйти наружу. Мы и так засорили место преступления, не нужно усугублять.

Вот зачем нужны инструктаж, тренинги и бесконечная практика – чтобы, если мозг не в состоянии соображать, тело сделало все само. Любой солдат вам это подтвердит.

Я вышел наружу, на свет.

Где-то далеко уже визжали сирены.

Глава 3

Безумство

Инспектор Найтингейл велел нам с Лесли ждать в саду, а сам вновь скрылся в особняке, проверить, нет ли там кого-то еще. Своей курткой Лесли накрыла тело младенца и теперь дрожала от холода. Я принялся было снимать пиджак, чтобы отдать ей, но она остановила меня:

– Он у тебя весь в крови.

И точно, рукава по самые плечи были залепаны кровью. Брюки испачкались еще сильнее, на коленях пропитались насквозь. Мокрая ткань липла к коже.

У Лесли вокруг губ тоже осталась кровь после попытки реанимировать младенца.

– Я знаю, – сказала она, заметив мой взгляд. – До сих пор чувствую этот вкус.

Нас обоих трясло. Мне хотелось заорать, но я понимал, что ради Лесли должен быть сильным. И старался абстрагироваться, но кровавое месиво, оставшееся от лица Брендона Купертауна, все равно стояло перед глазами.

– Эй, – сказала Лесли, – давай, соберись.

Вид у нее был озабоченный, а когда я вдруг захихикал, она еще больше встревожилась. Но сдержаться я не мог.

– Питер?

– Прости, – выдохнул я. – Вот ты стараешься крепиться из-за меня – а я из-за тебя! Понимаешь? Так мы и сдюжим!

Я наконец успокоился, и Лесли едва заметно улыбнулась.

– Ладно, – сказала она, – если ты не будешь психовать, то и я не буду.

Она взяла мою ладонь, ободряюще сжала.

– Я не понял, они что, пешком сюда из Хэмпстеда идут? – возмутился я.

Первой приехала «Скорая», санитары бегом вбежали в сад и минут двадцать тщетно пытались вернуть ребенка к жизни. Они всегда пытаются реанимировать детей, невзирая на то, как сильно портят при этом картину улики. Повлиять на них нельзя, можно только смириться.

Не успели медики приступить к работе, как подъехал полный фургон полицейских. Они бестолково топнулись вокруг, а сержант подошел к нам, подозрительно поглядывая. Мы были в штатском, к тому же вымазаны в крови, вот он и принял нас за обывателей, которые могут оказаться подозреваемыми.

– Вы в порядке? – спросил он.

На такой идиотский вопрос я даже и не знал, что ответить.

Сержант покосился на врачей «Скорой», все еще возившихся с младенцем.

– Можете сообщить, что здесь произошло? – спросил он.

– Тяжкое преступление, – ответил Найтингейл, выходя из дома. – Вы, – обратился он к первому попавшемуся констеблю, – возьмите напарника и отправляйтесь на задний двор. Проследите, чтобы там никто не попытался войти или выйти.

Констебль вместе с напарником бросились исполнять. Сержант вроде хотел спросить у Найтингейла удостоверение, но тот не дал ему такой возможности.

– Перекройте улицу на десять ярдов в обе стороны от дома, – распорядился он. – С минуты на минуту здесь будут журналисты, проверьте, хватит ли у вас людей, чтобы не пустить их сюда.

Сержант не стал отдавать честь, у нас в лондонской полиции это не принято. Но развернулся он как на плацу, только что каблуками не щелкнул, и тоже отправился исполнять приказ. Взгляд Найтингейла упал на нас, все еще дрожащих от холода. Ободряюще кивнув нам, инспектор обернулся к одному из констеблей и принялся коротко, отрывисто давать указания.

Вскоре откуда-то появились пледы, для нас нашлись места в фургоне, в руках словно сами собой появились чашки с чаем и пара блюдец – по три кусочка сахара на каждом. Мы молча пили чай и ждали дальнейших неприятностей.

Инспектор Сивелл добрался сюда меньше чем через сорок минут. Учитывая субботние пробки, это означало, что он всю дорогу, от самой Белгравии, гнал с мигалками и сиреной. Открыв дверцу фургона, он хмуро глянул на нас.

– Вы в порядке?

Мы синхронно кивнули.

– Сидите тут, черт побери, и никуда не высовывайтесь, – распорядился он.

Ага, держите карман шире. Когда расследование крупного дела набирает обороты, по увлекательности это примерно как «Большой брат»⁸, только с меньшим количеством сцен секса и насилия. Не гениальная дедукция помогает обезвредить преступника. Нет, это обычно заслуга какого-нибудь бедолаги, который, например, целую неделю где-нибудь в Хакни искал магазины, где продаются кроссовки определенной марки, а потом шерстил видеозаписи камер каждого из них. А хороший следователь – это тот, который знает наверняка, что его команда докопалась до всего, все проверила и зафиксировала. Не в последнюю очередь для того, чтобы ни один нечистоплотный судья не смог при помощи денег найти лазейку в деле и оправдать виновного.

Сивелл был одним из лучших следователей. Поэтому нас первым делом поочередно сопроводили в палатку, которую криминалисты поставили у передних ворот. Там, сняв с себя все, кроме белья, и распрощавшись со своей одеждой, мы облачились в весьма изящные защитные комбинезоны. Глядя, как мой любимый пиджак упаковывают в пакет для вещдоков, я впервые задумался: а возвращают ли улики такого рода их владельцам? И если да, отдают ли перед этим в химчистку?

Потом с наших лиц и рук осторожно сняли тампонами образцы крови. И только после этого сподобились выдать влажные салфетки, чтобы мы могли наконец вытереться как следует.

Закончив, мы вернулись в фургон, где нас ждал обед. Он состоял из покупных бутербродов – впрочем, хороших и дорогих, поскольку дело происходило в Хэмпстеде. Я внезапно понял, что очень проголодался, и как раз думал попросить добавки, когда к нам снова заявился инспектор Сивелл. Фургон качнулся и слегка просел, а мы с Лесли рефлекторно вжались в спинки сидений.

– Ну что, как вы? – спросил он.

Мы дружно заверили его, что все замечательно, мы в полном порядке и рвемся в бой.

– Брехня, – заключил он. – Однако вполне убедительная. Через пару минут мы с вами отправимся в Хэмпстедский участок, где одна милая дама из Скотленд-Ярда по очереди выслушает ваши показания. И поскольку мой главный принцип – абсолютная достоверность, хочу сразу предупредить: чтобы ни в одном протоколе никакой хренотени про ваше гребаное вуду, колдовство и прочие секретные материалы. Я понятно объясняю?

Мы дружно заявили, что да, он очень доходчиво обрисовал свою точку зрения.

– Чтобы все знали: нормальная полиция взялась разгрести это дерьмо, нормальная полиция и закончит.

С этими словами он вылез из фургона. Тот снова жалобно скрипнул подвеской.

⁸ «Большой брат» – британская версия международной телевизионной франшизы реалити-шоу «Большой брат», созданной продюсером Джоном де Модем в 1997 году. Первоначально шоу транслировалось ежегодно с 2000 по 2018 год, следуя предпосылкам других версий формата, в котором группа участников, известных как «соседи по дому», живут вместе в специально построенном доме, который изолирован от внешнего мира. За «соседями по дому» постоянно следят во время их пребывания в доме с помощью телевизионных камер, а также персональных аудиомикрофонов. На протяжении всего конкурса кого-то из «соседей по дому», за которого проголосовали вне конкурса, выселяют из дома. Последний оставшийся сосед по дому выигрывает соревнование и получает денежный приз.

– Это нам сейчас приказали врать старшему по званию? – уточнил я.

– Угу, – кивнула Лесли.

– Я чисто так, на всякий случай спрашиваю.

И вот мы полдня лжесвидетельствовали, каждый в отдельной комнате. При этом постарались, чтобы в общих чертах наши показания совпадали, но во многих мелочах различались – для достоверности. Мы, полицейские, очень хорошо знаем, как это делается.

Закончив врать, мы позаимствовали в общежитии участка кое-какие шмотки, переоделись и поехали обратно в Дауншир-хилл. Тяжкое преступление всегда вызывает большой переполох, особенно в таком районе, как Хэмпстед. Журналистов было море – в основном потому, что половина из них могла пешком дойти до места происшествия.

Приехав, мы выпустили из «Хонды» подозрительно тихого Тоби. Потом еще час отмывали заднее сиденье. А затем поехали к себе, в Черинг-кросс. С опущенными стеклами. Но ругать Тоби было нельзя: мы сами оставили его в машине на целый день. Мы заехали в «Макдоналдс» и купили ему «Хеппи Мил», так что пес, надеюсь, простил нас.

Потом мы пошли ко мне и допили «Гролш». Лесли скинула одежду и залезла ко мне в кровать. Я лег сзади и обнял ее. Лесли вздохнула и уютно прижалась ко мне, тактично «не заметив» моей эрекции. Тоби свернулся у нас в ногах – точнее, улегся на них как на подушку. Вот так мы все втроем и заснули.

Когда я проснулся, Лесли уже ушла, а у меня звонил телефон. Я поднял трубку и услышал голос Найтингейла.

– Вы готовы вернуться к работе? – спросил инспектор.

Я сказал «да».

Вернуться к работе. Снова посетить гриль-бар имени Иэна Веста, где мы с инспектором Найтингейлом были записаны на ознакомительную программу по осмотру жутких ран Брендона Купертауна. Меня представили Абдулу Хак Валиду – подвижному энергичному человеку лет пятидесяти с легким шотландским акцентом.

– Доктор Валид занимается особыми случаями, – сообщил Найтингейл.

– Моя специальность – криптопатология, – добавил доктор Валид.

– Салям, – сказал я.

– Al salam alaikum, – отозвался он, пожав мне руку.

Я очень надеялся, что сейчас-то уж точно будет дистанционная смотровая. Но, увы, Найтингейл не желал довольствоваться трансляцией вскрытия. Поэтому мы снова надели фартуки, защитные экраны для глаз, респираторы и вошли в операционную. Обнаженное тело Брендона Купертауна – или того, кого мы за него принимали, – лежало на столе. Доктор Валид уже вскрыл грудную клетку, сделав стандартный Y-образный разрез. И успел даже зашить снова, порывшись там предварительно в поисках того, что обычно ищут патологоанатомы. Личность погибшего мы подтвердили, сверившись с биометрическими данными в его паспорте.

– Если рассматривать все, что ниже шеи, – начал доктор Валид, – можно утверждать, что это физически здоровый мужчина лет сорока пяти – пятидесяти. Наш же интерес вызывает его лицо.

Точнее, то, что от него осталось. При помощи зажимов доктор Валид растянул и закрепил оторванные лоскутья кожи, отчего лицо Купертауна приобрело жутковатое сходство с огромной красно-розовой маргариткой.

– Начнем с черепа.

Взяв в руки указку, доктор Валид подошел и слегка склонился над телом. Найтингейл сделал то же самое, но я предпочел смотреть из-за его плеча.

– Как видите, имеет место обширное повреждение лицевых костей. Верхняя и нижняя челюсть, скуловые кости практически стерты в порошок, а зубы, которые обычно сохраняются целыми при тяжелых травмах, раздроблены на мелкие осколки.

– Сильный удар тяжелым предметом? – предположил Найтингейл.

– Да, такова была бы моя основная версия, – сказал доктор Валид, – если бы не это.

Он приподнял пинцетом один из лоскутков кожи – со щеки, насколько я мог судить, – и оттянул в сторону. Его длины хватило, чтобы прикрыть череп по всей ширине и еще ухо с противоположной стороны.

– Кожа лица растянута гораздо сильнее, чем ей положено по природе. Мышечная ткань почти отсутствует, что также свидетельствует об односторонней атрофии. Судя по линиям разрыва, можно утверждать, что что-то заставило его лицо вытянуться в районе между носом и подбородком, растянуло кожу и мышцы, раздробило кости и зафиксировало все в таком положении. Затем фактор, который это все удерживал, исчез, кости и мягкие ткани потеряли опору, и, как следствие, лицо фактически распалось на части.

– Вы полагаете, диссимуло? – спросил Найтингейл.

– Да, либо какая-то сходная практика, – кивнул доктор Валид.

Для меня Найтингейл пояснил, что диссимуло – это заклинание, с помощью которого можно менять внешность. Само слово «заклинание» не прозвучало, но подразумевалось.

– К сожалению, – прокомментировал доктор Валид, – это фактически смещает мышцы и кожу в неестественное положение, что может привести к необратимым повреждениям.

– Эта техника никогда не была особенно популярной, – сказал Найтингейл.

– Что вполне понятно, – добавил доктор Валид, указывая на то, что осталось от лица Купертауна.

– А есть признаки того, что он занимался магией? – спросил Найтингейл.

Доктор Валид достал закрытый стальной контейнер.

– Я предвидел этот вопрос, – сказал он, – и успел подготовиться.

Он поднял крышку контейнера, в котором обнаружился человеческий мозг. Я, конечно, не специалист, но мне показалось, что здоровый мозг не может так выглядеть: сморщенный, весь в пятнах, он как будто долго пролежал на солнце и совсем ссохся.

– Как можно заметить, – проговорил доктор Валид, – имеет место обширная атрофия коры головного мозга. Также есть симптомы внутричерепного кровоизлияния. Такое состояние мозга можно было бы связать с какими-то дегенеративными изменениями, если бы нам с инспектором не была известна его истинная причина.

Он сделал в мозге продольный разрез, чтобы показать нам его изнутри. На срезе мозг напоминал кочан цветной капусты, пораженный каким-то заболеванием.

– Вот так, – сказал доктор, – выглядит мозг, на который воздействовала магия.

– Магия так действует на мозг? – переспросил я. – Тогда неудивительно, что никто больше не пользуется ею.

– Так бывает, если не рассчитать свои возможности, – пояснил Найтингейл. – В его доме не обнаружено никаких следов практики. Ни книг, ни какого-либо инвентаря и ни одного вестигия.

– А возможно ли, чтобы кто-либо похитил у него магию? Высосал ее из мозга? – спросил я.

– Крайне маловероятно, – ответил Найтингейл. – Похитить чужую магию практически невозможно.

– Разве что в момент смерти, – добавил доктор Валид.

– Нет, гораздо больше шансов, что наш мистер Купертаун сам над собой такое сотворил, – сказал Найтингейл.

– В таком случае можно утверждать, что во время нападения маски на нем не было? – предположил я.

– Вероятнее всего, – кивнул инспектор.

– Значит, его лицо лопнуло во вторник, – принялся я развивать свою мысль. – Это объясняет пятна, которые мы видели на записи камеры в автобусе. Затем он летит в Америку, проводит там три дня и возвращается обратно. И все это – с практически разрушенным лицом?

Доктор Валид, помолчав, ответил:

– Да, это вполне возможно, учитывая характер повреждений и признаки начавшегося восстановления тканей вокруг осколков костей.

– Должно быть, он испытывал адскую боль, – сказал я.

– А вот это как раз не обязательно, – возразил Найтингейл. – Диссимуло не дает чувствовать боль, и это одна из главных его опасностей. Маг, использующий диссимуло, может вообще не знать, что наносит себе повреждения.

– Но до этого его лицо выглядело нормально только потому, что держалось на магии? – спросил я.

Доктор Валид посмотрел на Найтингейла.

– Да, – подтвердил тот.

– А что происходит с этими чарами, когда человек засыпает?

– Скорее всего, они разрушаются, – ответил инспектор.

– Но при таких жутких повреждениях лицо просто-напросто распадется на части, если чары перестанут действовать, так ведь? Тогда Купертаун должен был поддерживать их все время, пока был в Америке, – сказал я. – Получается, он не спал четыре дня?

– Вряд ли такое возможно.

– А могут чары работать по принципу программного обеспечения? – спросил я.

Найтингейл непонимающе поглядел на меня. Доктор Валид решил его выручить.

– То есть как? – спросил он.

– Можно ли заставить чей-либо разум, находящийся в бессознательном состоянии, удерживать чары? – спросил я. – Чтобы они продолжали действовать, пока человек спит.

– Теоретически это возможно, но даже если отбросить этику, я, например, не смог бы. И думаю, никто из магов-людей не смог бы.

Приехали. Магов-людей, значит. Найтингейл и доктор Валид молча смотрели на меня, и я понял: они давно свыклись с таким положением вещей и ждут от меня того же.

– Помните, я спрашивал про призраков, вампиров и оборотней, а вы сказали, что я еще толком никого не перечислил? Скажите, это была не шутка?

– Боюсь, что нет, – покачал головой Найтингейл. – Мне жаль.

– Вот ведь дрянь, – вздохнул я.

Доктор Валид улыбнулся.

– Ну прямо мои слова тридцать лет назад, – сообщил он.

– Значит, то, что погубило несчастного мистера Купертауна, возможно, имело нечеловеческую природу?

– Я не могу поручиться, – сказал доктор Валид, – но сделал бы ставку именно на это.

Потом мы с инспектором Найтингейлом поступили как все нормальные копы, когда у них выдается передышка среди дня: отправились на поиски ближайшего паба. Прямо за углом был дорожный «Маркиз Квинсбери», под дождем, впрочем, довольно унылый. Найтингейл купил мне пива, и мы сели в уголке под плакатом в викторианском стиле, изображавшим боксерский поединок без перчаток.

– А как становятся магами? – поинтересовался я.

– Совсем иначе, нежели поступают на службу в Скотленд-Ярд, – покачал головой инспектор.

– Ну надо же, – сказал я. – А все-таки как?

– Сначала надо стать учеником, – ответил он. – Это означает преданность искусству, наставнику и отечеству.

– Должен ли я называть вас шифу⁹?

Найтингейл улыбнулся.

– Нет, – сказал он, – меня нужно называть мастером.

– Мастером?

– Да, такова традиция.

Я попробовал про себя – хоть тресни, получалось «маса».

– Может, можно инспектором?

– С чего вы решили, что я предлагаю вам должность?

Я глотнул пива, чтобы не отвечать. Найтингейл снова улыбнулся и тоже пригубил из своей кружки.

– Как только вы перейдете этот Рубикон, пути назад уже не будет, – сказал он. – И да, можете звать меня инспектором.

– У меня на глазах человек убил свою жену и ребенка, – сказал я. – Если существует разумное объяснение этому поступку, я хочу его знать. Если есть хоть малейшая вероятность, что он не сознавал, что творит, – я должен выяснить, так ли это. Потому что тогда, возможно, мы сможем предотвратить подобное в будущем.

– Не лучший повод, чтобы выбрать такую работу, – сказал Найтингейл.

– А разве для такой работы можно придумать хороший повод? – спросил я. – Я хочу служить, сэр, потому что просто обязан все об этом знать.

Найтингейл отсалютовал мне кружкой.

– Уже лучше.

– А теперь что будем делать? – спросил я.

– Ничего, – ответил Найтингейл, – сегодня воскресенье. Но завтра с утра мы отправимся на встречу с комиссаром.

– Отлично! – обрадовался я.

– Не торопитесь радоваться, – сказал Найтингейл. – Только он уполномочен принять окончательное решение.

Новый Скотленд-Ярд когда-то был обычным офисным зданием, столичная полиция занимает его с 1960 года. С тех пор в кабинетах старшего руководства несколько раз делали ремонт. Последний раз это было где-то в девяностых. С точки зрения дизайна муниципальных учреждений это самый бездарный период после семидесятых. Наверно, поэтому приемная комиссара представляла собой унылое пустоватое помещение с отделкой ламинированной фанерой. Мебель была представлена цельными пластиковыми стульями. Чтобы добить посетителей «расслабляющей обстановкой», со стен на них взирали портреты шести предыдущих комиссаров. Сэр Роберт Марк (1972–1977) глядел особенно неодобрительно. Сомневался, видимо, что я внесу значительный вклад в общее дело.

– Еще не поздно отказаться от принятого решения, – сообщил Найтингейл.

Да нет, было уже поздно – а вот мне как раз захотелось, чтобы не было. Вообще, если констебль попал в кабинет комиссара, он либо совершил подвиг храбрости, либо сделал очень большую глупость. И теперь я сидел и думал, который из двух вариантов мой.

Ждать нам пришлось всего минут десять, а потом секретарша комиссара пригласила нас в кабинет. Он был очень просторный, но такой же безвкусный и унылый, как остальная часть здания. Разве только стены были отделаны панелями из искусственного дерева цветом «под дуб». На одной стене висел портрет королевы, на другой – сэра Чарльза Рована, первого комис-

⁹ Шифу – признанный мастер, в китайской традиции уважительное обращение к человеку, достигшему высокого мастерства в каком-либо искусстве.

сара. Я худо-бедно изобразил парадную стойку «смирно» и чуть не покачнулся, когда комиссар протянул мне руку.

– Констебль Грант, – кивнул он. – Ваш отец – Ричард Грант, не так ли? У меня есть кое-какие его записи той поры, когда он играл с Табби Хейзом¹⁰. На виниле, разумеется.

Не дожидаясь моего ответа, комиссар пожал руку Найтингейлу и жестом пригласил нас сесть. Это был еще один северянин, чей путь к высокому посту оказался труден и извилист. В Северной Ирландии он отбыл повинность, обязательную, похоже, для всех будущих комиссаров лондонской полиции. Ибо считается, что борьба с религиозным экстремизмом очень закаляет характер. Комиссар с честью носил свой мундир и слыл среди подчиненных не совсем идиотом, что выгодно отличало его от многих предшественников.

– Дело приняло неожиданный оборот, инспектор, – сообщил комиссар. – Есть те, кто сочтет этот шаг неоправданным.

– Комиссар, – осторожно возразил Найтингейл, – я уверен, что обстоятельства требуют изменить условия соглашения.

– Когда меня вводили в курс относительно задач вашего отдела, то заверили, что он по большей части занимается остаточными явлениями, что... «магия» угасает и не несет серьезной угрозы общественному порядку. Я четко помню, что в Министерстве внутренних дел муссировалось слово «истощается». Еще я часто слышал, что магия «вытесняется наукой и техникой».

Слово «магия» давалось комиссару с видимым трудом, но он себя пересиливал.

– Сэр, в министерстве никогда по-настоящему не понимали, что наука и магия друг другу не противоречат. Основатель нашего сообщества в свое время сделал достаточно, чтобы это доказать. И я считаю, что сейчас налицо медленное, но неуклонное повышение магической активности.

– То есть магия восстанавливается? – спросил комиссар.

– Да, начиная с середины шестидесятых, – ответил Найтингейл.

– С шестидесятых, – повторил комиссар. – И почему я не удивлен? Это чертовски несвоевременно и неудобно. Есть догадки, почему она набирает силу?

– Нет, сэр, – ответил Найтингейл. – Но ведь нет и единого мнения насчет причины, по которой она однажды угасла.

– Я слышал, в связи с этим упоминали Эттерсберг, – проговорил комиссар.

Найтингейл поморщился, как от резкой боли.

– Эттерсберг, несомненно, сильно повлиял на этот процесс.

Комиссар вдохнул, надул щеки. Шумно выдохнул.

– Убийства в Ковент-Гардене и в Хэмпстеде связаны между собой? – спросил он.

– Да, сэр.

– И вы считаете, ситуация может измениться к худшему?

– Да, сэр.

– Настолько, что это оправдывает нарушение соглашения?

– Подготовка ученика занимает десять лет, сэр, – сказал Найтингейл. – Будет лучше, если останется второй человек, если вдруг со мной что-то произойдет.

Комиссар невесело усмехнулся.

– А он знает, на что подписывается?

– А разве кто-то знает, поступая на службу в полицию?

– Ну хорошо, – сказал комиссар. – Встань, сынок.

Мы встали. Найтингейл велел мне поднять руку и зачитал слова:

¹⁰ Табби Хейз (Tubby Hayes, 1935–1973) – британский джазовый мультиинструменталист. Играл на саксофонах, флейте, вибратоне.

– Клянись же, Питер Грант из Кентиш-Тауна, хранить преданность нашей королеве и всем ее наследникам. Клянись верой и правдой служить своему мастеру, пока длится твое ученичество. Клянись почитать всех хранителей и облачение, принятое в сообществе. Чтобы соблюсти тайну сего сообщества, клянись молчать о нем за его пределами. Исполняй же все обеты с честью и достоинством и никогда не нарушай этой клятвы. И да поможет тебе в этом Господь Бог, королева и сила, которая движет вселенной.

И я поклялся, чуть не запнувшись на слове «облачение».

– Да поможет тебе Господь, – повторил комиссар.

Найтингейл сообщил, что, став его учеником, я должен переехать к нему в штаб-квартиру на Рассел-сквер. Назвал адрес, а потом подбросил меня до Черинг-Кросса.

Лесли помогала мне собирать вещи.

– Ты же сейчас должна быть в Белгравии, разве нет? – спросил я. – Как же твоя срочная работа в отделе убийств?

– Мне дали выходной, – ответила Лесли. – Посочувствовали, потом велели не попадаться журналистам, потом вообще отпустили.

Это как раз было понятно. Убийство семьи кого-то богатого и знаменитого наверняка голубая мечта редактора любой газеты. Газетчики соберут все самые жуткие подробности, но на этом не останутся. Будут дальше нагнетать: что трагическая гибель семейства Купертаунов может поведать о состоянии нашего общества, да как эта трагедия связана с современной культурой / гуманизмом / уровнем политкорректности / ситуацией в Палестине, ненужное вычеркнуть. Если что и скрасит эту историю, то только присутствие симпатичной блондинки-констебля, которую совсем одну отправили на это опасное задание. Вопросов будет море, а ответы – да кому они нужны?

– А в Лос-Анджелес кто поедет? – спросил я. Кого-то же должны послать, чтобы проследить схему перемещений Брендона Купертауна в Штатах.

– Пара каких-то сержантов, – ответила Лесли. – Я их не знаю, я ведь всего ничего успела тут проработать, когда ты втравил меня в это дело.

– Ничего, ты вроде у Сивелла в любимчиках, – сказал я. – Он не будет к тебе придирааться.

– Все равно за тобой должок, – пробурчала она, быстрыми, энергичными движениями сворачивая мое полотенце в компактный валик.

– И чего же ты хочешь? – спросил я.

Лесли спросила, могу ли я отпроситься на вечер. Я сказал, что попробую.

– Я не хочу торчать здесь, – сказала она, – хочу пойти куда-нибудь.

– Куда именно? – спросил я, глядя, как она разворачивает полотенце и складывает снова, на этот раз треугольником.

– Куда угодно, только не в паб, – ответила Лесли, протягивая мне полотенце. Я кое-как упишал его в рюкзак – правда, пришлось развернуть.

– Может, в кино? – предложил я.

– А давай. Но только на комедию.

Рассел-сквер находится в километре от Ковент-Гардена, по другую сторону от Британского музея. По словам Найтингейла, в начале прошлого века это место было культурным центром, оплотом литературы и философии. У меня же оно ассоциируется исключительно с ужасником про каннибалов, живущих в метро.

Мне надо было на южную сторону площади. Там сохранился ряд старых георгианских особняков, каждый высотой в пять этажей, считая мансарды. За красивыми коваными оградами виднелись крутые ступеньки, ведущие в цокольные этажи. Нужный мне дом отличался

гораздо более шикарной лестницей, которая вела к двойным дверям красного дерева с латунными ручками. Над дверями были высечены слова: SCIENTIA POTESTAS EST ¹¹.

Я ничего не понял. «Снятие протестов»? Или, может, «специи для теста»? Или «селекция патиссонов»? Неужели я ненароком попал в подпольную контору, занимающуюся незаконными генетическими экспериментами над растениями?

Сгрузив рюкзак и оба чемодана на площадку перед дверью, я нажал на кнопку звонка. Однако звука не услышал – очевидно, его заглушили толстые двери. Через миг они распахнулись, словно сами собой. Наверно, из-за уличного шума, но я совершенно не услышал ни щелчка, ни какого-либо другого звука. Тоби, заскулив, прижался к моим ногам.

– Это совсем не страшно, – пробормотал я. – Ни капельки.

С этими словами я перешагнул порог, таща за собой чемоданы.

За дверью обнаружился вестибюль с полом из мозаичной плитки в романском стиле. В вестибюле была кабина со стенами из стекла и дерева. Она ничем не напоминала билетную кассу, но при виде нее как-то сразу становилось понятно, что есть прихожая и есть остальная часть дома. И чтобы пройти дальше, надо получить разрешение. «Это что угодно, – подумал я, – только не личный особняк Найтингейла».

Дальше, за кабиной, между двух неоклассических колонн, стояла мраморная статуя человека в академической мантии и бриджах. В одной руке он держал некий увесистый том, а в другой – секстант. На его квадратном лице застыла неукротимая жажда знаний. Я понял, кто это, еще до того, как прочел табличку, гласившую:

*Природа жизни и ее закон
сокрыты были во мгле,
Но Бог сказал: «Да будет Ньютон»,
и свет настал на земле .*

Возле статуи меня ждал Найтингейл.

– Добро пожаловать в Безумство, официальную штаб-квартиру английской магии начиная с 1775 года, – сказал он.

– А Исаак Ньютон – ваш святой-покровитель?

Найтингейл усмехнулся.

– Он основал наше сообщество, и он же первый систематизировал практическую магию.

– А нам в школе говорили, что это человек, который создал современную науку.

– Он успел и то и другое, – пояснил Найтингейл. – Такова природа истинного гения.

Открыв дверь, он провел меня в прямоугольный атриум, занимавший центральную часть здания. Над моей головой в два ряда располагались балконы, а вместо крыши был огромный стекляннно-металлический купол в викторианском стиле. Когти Тоби зацокали по полированному мраморному полу кремового цвета. Царила полная тишина, и, несмотря на идеальную чистоту и порядок, я ясно ощущал некое запустение.

– Там большая столовая – мы ею больше не пользуемся, дальше комната для отдыха и курительная. Их мы тоже уже не используем, – говорил Найтингейл, поочередно указывая на двери в стене атриума. – А там, – он показал на двери на другой стороне, – общая библиотека и лекторий. Внизу кухни, кладовые и винный погреб. Черная лестница – там, впереди. За задней дверью каретный сарай и конюшни.

– А сколько человек здесь живет? – спросил я.

– Только мы двое. И еще Молли.

¹¹ Знания – власть (лат.).

Тоби внезапно припал к полу у моих ног и зарычал – громко, угрожающе, как истинный охотник, заведший крысу в кухне. Я поднял глаза и увидел, что к нам, словно скользя над зеркально-гладким мрамором, приближается женщина. Тонкая, стройная, она была одета как горничная времен короля Эдуарда: в длинную черную юбку и белую рубашку, поверх которой был повязан крахмальный передник. Но лицо ее, длинное, костистое, с черными миндалевидными глазами, почему-то диссонировало с костюмом. Волосы под чепцом тоже не были стянуты, как полагается, в узел, а струились черным водопадом до самой талии. При виде этой женщины по коже у меня побежали мурашки, и не только оттого, что я пересмотрел в свое время японских ужастиков.

– Это Молли, – сказал Найтингейл. – Она нам помогает.

– В чем помогает?

– Во всем, что требует ее помощи, – пояснил инспектор.

Опустив глаза, Молли присела в неловком, едва заметном поклоне – видимо, это был реверанс. Тоби снова заворчал, и Молли вдруг огрызнулась в ответ, вздернув верхнюю губу и обнажив неприятно острые зубы.

– Молли, – строго одернул ее Найтингейл.

Застенчиво прикрыв рот ладонью, Молли развернулась и заскользила прочь, в ту же сторону, откуда явилась. Тоби коротко и самодовольно рыкнул ей вслед, чтобы хоть самому себе казаться храбрцом.

– А она... – начал было я.

– Незаменима, – безапелляционно заявил Найтингейл.

Перед тем как подняться наверх, мы подошли к нише в северной стене. Там, на постаменте, словно статуя домашнего бога, стоял закрытый музейный стеллаж. Внутри лежала книга в кожаном переплете, раскрытая на титульной странице. Слегка наклонившись, я прочел: *Philosophiae Naturalis Principia Artes Magicis*, Authore: I. S. Newton.

– Стало быть, не удовлетворившись запуском мировой научной революции, наш приятель Исаак решил изобрести магию? – спросил я.

– Не совсем, – поправил меня Найтингейл. – Он не изобрел магию, а лишь систематизировал ее основные принципы, как-то ее упорядочил.

– Итак, магия и наука, – резюмировал я. – Может, это еще не все?

– Да, еще он провел реформу Монетного двора и спас страну от банкротства.

Главных лестниц здесь, видимо, было две. Поднимаясь по восточной, мы добрались до одного из украшенных колоннами балконов. Здесь было много деревянных панелей и мебели, скрытой чехлами от пыли. Еще два пролета – и мы вышли в коридор на третьем этаже, с длинным рядом тяжелых дубовых дверей. Найтингейл открыл одну из них, похоже наугад, и жестом пригласил меня войти.

– Ваша комната, – сказал он.

Она была вдвое больше той, что я занимал в общежитии, очень гармоничная и с высоким потолком. В одном углу стояла латунная двуспальная кровать, в другом – огромный платяной шкаф, как в «Хрониках Нарнии». Между ними был письменный стол, и свет равномерно падал на него из двух подъемных окон. Две стены полностью скрывались под книжными полками. Почти пустыми, если не считать нескольких книг. При ближайшем рассмотрении это оказалось полное собрание *Encyclopaedia Britannica* 1913 года, первое издание «О дивного нового мира» в потертом переплете, а также Библия.

Газовый камин, отделанный зеленой плиткой, был явно переделан из камина настоящего. Абажур настольной лампы был расписан под японскую гравюру, а рядом с лампой стоял дисковый телефон. Лет ему было, наверно, больше, чем моему папе. Пахло пылью и полиролью, которой, видимо, недавно натирали мебель. Было похоже, что эта комната тоже полвека спала под покровом пылезащитных чехлов и лишь недавно пробудилась.

– Спускайтесь вниз, когда будете готовы, – сказал Найтингейл. – И постарайтесь выглядеть презентабельно.

Я знал зачем – и нарочно медлил, пытаюсь распаковывать вещи как можно дольше. Но их, к сожалению, было не так много.

Честно говоря, не наше это дело – встречать в аэропорту убитых горем родителей жертвы. Помимо того, что официально это дело ведет Вестминстерский отдел, эти люди вряд ли могут сообщить что-то важное по поводу убийства. Грубо, но правда: у следователей обычно есть дела поважнее, чем неумело утешать скорбящих родных жертвы. Для этого есть Служба психологической поддержки родственников. Но у Найтингейла был другой подход, вследствие чего мы теперь стояли в зале прилета Хитроу и ждали мистера и миссис Фишер, они уже прилетели и как раз проходили таможенный контроль. Я держал табличку с именами.

Я представлял их совсем другими. А оказалось, что папа Фишер – лысеющий коротышка, а мама – толстушка с волосами неопределенного цвета. Найтингейл представился на непонятном языке, видимо датском, и попросил меня отнести багаж в «Ягуар», что я с облегчением и проделал.

Спросите любого офицера полиции, что самое тяжелое в его работе, и он ответит, что это момент, когда сообщаешь родным жертвы страшную новость. Но это неправда. Самое тяжелое – находиться рядом с теми, кому ты эту новость только что сообщил, и смотреть, как на твоих глазах рушится их жизнь.

Кто-то скажет, что их такие вещи не волнуют – так вот, не верьте.

Фишеры наверняка выбирали отель поближе к дому дочери. Это было кирпичное здание на Хэверсток-хилл, нечто среднее между тюремным корпусом и автозаправочной станцией. В его обшарпанном вестибюле, где бестолково толпились люди, было неуютно, как на бирже труда. Найтингейлу, судя по всему, тоже не слишком понравилось тут, и я даже стал опасаться, что он готов предложить Фишерам остановиться в Безумстве.

Но он только вздохнул и велел мне сложить багаж возле стойки ресепшен.

– Дальше я сам разберусь, – сказал он и отправил меня домой. Я попрощался с Фишерами и исчез из их жизни со всей возможной поспешностью.

* * *

После всего этого мне уже не хотелось никуда идти. Но Лесли чуть не силой заставила меня.

– Нельзя сидеть и киснуть «потому что все плохо», – сказала она. – Давай-давай, ты же обещал, помнишь?

Спорить я не стал. И потом, в Вест-Энде всегда есть куда сходить в кино, этим он и хорош. Сначала мы зашли в кинотеатр «Принц Чарльз», но в нижнем зале там показывали «Двенадцать обезьян», а в верхнем шла дилогия Куросавы. Поэтому мы прошли немного дальше, до Лестер-сквер, в «Вояж». Это карликовая, так сказать, версия мультиплекса с восемью экранами, из которых по крайней мере два уж точно больше стандартного плазменного телевизора. Обычно мне нравится, когда в фильмах есть чуть-чуть лишнего насилия. Но сегодня я позволил Лесли убедить меня, что популярная романтическая комедия «Лимонный щербет» с Элисон Тайк и Денисом Картером обязательно поднимет нам настроение. Наверное, так бы и было, если б нам удалось ее посмотреть.

Большую часть фойе по всей его ширине занимал ряд киосков. Там было восемь платежных терминалов с кассами, воткнутых между ларьков с попкорном и хот-догами и щитов с рекламой детских сувениров с картонными фигурками из свежих блокбастеров. Над каждым терминалом висел широкий LCD-дисплей, по которому транслировались расписание фильмов, ограничение по возрасту и время, которое осталось до ближайшего сеанса. Через равные

промежутки времени начинался какой-нибудь трейлер либо реклама сомнительных наггетсов или же просто появлялась надпись, гласившая, что в сети кинотеатров «Вояж» нас ожидает прекрасный отдых. Тем вечером из восьми терминалов работал только один, и туда выстроилась очередь человек в пятнадцать. Мы встали за хорошо одетой женщиной среднего возраста. С ней были четыре девочки лет примерно от девяти до одиннадцати. Нас не раздражала очередь: чему учишься в полиции первым делом, так это терпеливо ждать.

При дальнейшем разбирательстве выяснилось, что тем вечером терминал обслуживал только один человек – Садун Ранатунга, двадцатитрехлетний эмигрант из Шри-Ланки. Всего же в кинотеатре находилось четверо членов обслуживающего персонала. В момент происшествия двое из них чистили экраны в первом и третьем залах, готовя их к следующему сеансу. Третий же занимался очень неприятной работой в мужском туалете – кто-то «не попал» в писсуар.

Мистер Ранатунга продавал и попкорн, и билеты, поэтому очередь женщины с девочками подошла только через четверть часа. Девочки до этого где-то резвились, но тут вдруг все прибежали обратно. Они галдели, поскольку каждая хотела первой потребовать сладости. Но дама строго и категорично дала понять, что каждой положено только по одному напитку, одной порции попкорна или пакету конфет: «По одному, я сказала, и мне все равно, что вам покупает мама Присциллы, когда гуляет с вами. Нет, никаких начос – какие-такие начос? Ведите себя прилично, или вообще ничего не получите».

Как позже выяснили следователи из участка Черинг-Кросс, точка невозврата наступила, когда двое стоявших перед женщиной попросили билеты со скидкой. Их личности были установлены: Николя Фаброни и Эугенио Турко, героиновые наркоманы, приехали в Лондон лечиться. У них при себе были рекламные брошюры школы английского языка Пикадилли, и, по мнению молодых людей, это позволяло им считаться самыми настоящими студентами. Еще неделю назад мистер Ранатунга спокойно пропустил бы их. Но днем начальник сообщил ему: в головном офисе сети «Вояж» решили, что в кинотеатре на Лестер-сквер продается слишком много льготных билетов. И, соответственно, персонал не должен их продавать, если хоть немного сомневается в том, что покупателю положена льгота. В соответствии с этим распоряжением Ранатунга и сказал Турко и Фаброни, что, к сожалению, они должны заплатить полную цену. Это не слишком понравилось приятелям, которые уже рассчитали свой бюджет на вечер исходя из того, что в кино удастся просочиться на халяву. Они стали протестовать, но Ранатунга был непоколебим в своем решении. И, поскольку обе стороны говорили по-английски не слишком хорошо, спор изрядно затянулся. В конце концов Турко и Фаброни очень неохотно заплатили полную цену парой затрепанных пятифунтовых купюр и пригоршней десятипенсовиков.

Лесли, наверно, с самого начала следила за итальянцами наметанным глазом хорошего копа. А я, поскольку «легко отвлекаюсь на ерунду», размышлял, получится ли затащить ее к себе в комнату в Безумстве. И поэтому малость удивился, когда почтенная респектабельная леди, стоявшая перед нами, вдруг перегнулась через стойку и принялась душить мистера Ранатунгу.

Выяснилось, что зовут ее Селия Манро, живет в Финчли, приехала в Вест-Энд с двумя дочерьми, Джорджиной и Антонией, и их подругами, Дженнифер и Алекс, чтобы побаловать девочек кино и сладостями. Спор разгорелся, когда миссис Манро попыталась частично расплатиться за билеты купонами зрителя «Вояж Фильм». Мистер Ранатунга с сожалением сообщил, что в данном кинотеатре оплата этими купонами не действует. Миссис Манро поинтересовалась почему, однако мистер Ранатунга не смог объяснить – начальство не сподобилось рассказать ему, как работает система скидок. В итоге миссис Манро выразила свое недовольство так эффектно и мощно, что сильно удивила мистера Ранатунгу, меня, Лесли, да и сама была в шоке, как потом призналась.

Как раз в этот момент мы с Лесли решили вмешаться. Хотели подойти и узнать, в чем проблема, но не успели: миссис Манро бросилась на кассира. Все произошло очень быстро, и, как обычно при внезапных нападениях, понадобилось несколько секунд, чтобы сориентироваться. Но мы, закаленные патрулированием улиц, привыкли не стоять столбом в таких случаях. Ухватив женщину за плечи, мы вдвоем стали оттаскивать ее от несчастного мистера Ранатунги. Но она так крепко вцепилась ему в шею, что мы и его практически выволокли из-за стойки. Одна из девочек в это время уже рыдала в голос, а вторая, постарше (видимо, Антония), принялась лупить меня кулачками по спине. Но я даже не почувствовал. Рот миссис Манро раскрылся в злобной гримасе, десны и зубы обнажились. На руках и шее вздулись вены. Лицо мистера Ранатунги стало темнеть, губы посинели.

Лесли резко надавила большим пальцем на чувствительную точку на запястье миссис Манро. Та тут же разжала руки, и по инерции мы с ней свалились на пол. Она упала на меня сверху, и я попытался зафиксировать ее руки, но она успела яростно вонзить локоть мне под ребра. Я использовал свое преимущество в весе и силе и, скинув ее с себя, уложил лицом вниз на пахнувший попкорном ковролин. Наручников у меня, разумеется, не было, поэтому я просто велел ей держать руки за спиной. Вообще, если вы схватили подозреваемого, то как бы обязаны его арестовать. После моего предупреждения женщина затихла. Я оглянулся. Лесли успела не только помочь пострадавшему, но и собрать в кучу детей, а также сообщить об инциденте в участок Черинг-Кросс.

– Обещаете вести себя смирно, если я позволю вам сесть? – спросил я.

Она кивнула. Я разрешил ей сесть и сам уселся рядом.

– Я просто хотела сходить в кино, – проговорила она. – В юности придешь, бывало, в «Одеон», скажешь: «Один билет, пожалуйста», заплатишь – и вот он, билетик! С каких пор появились такие сложности? Начос эти проклятые откуда-то взялись! Что такое начо, черт побери?

Одна из девочек, услышав это, украдкой хихикнула.

Лесли что-то писала в служебном блокноте. Ну, мы же не просто так предупреждаем: все, что вы скажете, может быть использовано против вас.

– А с мальчиком все в порядке? – спросила дама, встревоженно глядя на меня. – Я не знаю, что на меня нашло. Надеялась поговорить с кем-то на нормальном английском языке. Ездил вот отдыхать в Баварию, и там все прекрасно говорили по-английски. А тут выберешься с детьми в Вест-Энд – а вокруг одни иностранцы. Ни слова не понятно, что говорят.

У меня мелькнула мысль, что какой-нибудь мерзавец в прокуратуре запросто может состряпать из этого преступление на почве расизма. Поймал взгляд Лесли – она поняла, вздохнула, но перестала писать.

– Я просто хотела сходить в кино, – повторила миссис Манро.

Помощь прибыла в лице инспектора Неблетта. Едва увидев нас, он заявил:

– Вот оставь вас двоих без присмотра – и на тебе!

Я был уверен – он всю дорогу предвкушал эту фразу.

Потом мы дружно отправились в участок оформлять арест и заполнять соответствующие бумаги.

Это были не самые радостные три часа в моей жизни. В итоге мы оказались там, где обычно оказываются наши собраты, задержавшись на работе: в столовой, с кружками чая и формами для отчетов.

– Ну и где, спрашивается, вспомогательный отдел, когда он нужен? – проворчала Лесли.

– А я тебе говорил, пойдем на «Семь самураев», – напомнил я.

– Послушай, тебе не кажется, что все это очень странно? – спросила она.

– В смысле?

– Ну сам подумай – солидная дама внезапно сходит с ума и начинает бросаться на людей посреди кинотеатра на глазах у собственных детей. Ты уверен, что не ощутил ничего... ну, такого?

– Да как-то не задумывался.

А вот если задуматься, что-то таки было. Та же вспышка дикой ярости, тот же отголосок смеха. Хотя ощущалось не как воспоминание, а просто как образ – может, я это все просто выдумал теперь, когда Лесли спросила.

Мистер Манро с кейсом в руках приехал около девяти, с ним были родители двух других детей. Задержанная дама была отпущена под залог меньше чем через час. То есть гораздо раньше, чем мы с Лесли закончили с бумагами. К этому моменту я настолько вымотался, что уже не способен был ни на какой хитрый план. Поэтому распрощался с Лесли и попросил группу быстрого реагирования подбросить меня до Рассел-сквер.

Мне дали собственные ключи от всех дверей, в том числе и от черного хода. Это избавило меня от необходимости красться через холл под неодобрительным взглядом сэра Исаака. Из-за тусклого освещения в атриуме было темно, но, поднявшись на первый этаж, я краем глаза заметил внизу чей-то светлый силуэт, бесшумно скользящий по залу.

Знаете, когда завтрак подают не просто с другими приборами, а даже и не в той комнате, где вчера был ужин, сразу понимаешь, что поселился в реально пафосном месте. Окна утренней столовой выходили на юго-восток, ловя скудные лучи январского солнца. Из них было видно конюшни и каретный сарай. Завтракали мы с Найтингейлом вдвоем, однако абсолютно все столы были застелены белоснежными скатертями. Человек пятьдесят можно было бы рассадить, не меньше. Сервировочный столик тоже впечатлял: на нем выстроились рядами серебряные подносы с копченым лососем, вареными яйцами, ломтиками бекона и кровяной колбасы. Была там и супница, наполненная смесью риса, лука и кусочков трески. Найтингейл сказал, это называется кеджери. Похоже, он не меньше меня был ошарашен количеством еды.

– Похоже, Молли сегодня немного перестаралась, – сказал он, накладывая себе кеджери. Я взял всего понемногу, а Тоби получил порцию сосисок, кровяной колбасы и миску воды.

– Нам же это все ни за что не съесть, – сказал я. – Куда она денет остатки?

– Я привык не задавать подобных вопросов, – ответил Найтингейл.

– Почему же?

– Не уверен, что хочу знать ответы.

Мой первый настоящий урок магии состоялся в одной из лабораторий в недрах первого этажа. В остальных лабораториях иногда проводили какие-то исследования, но эта была предназначена именно для обучения и очень напоминала школьный кабинет химии. Здесь были стойки высотой примерно по пояс, с вентилями для горелок Бунзена, расположенными через одинаковые интервалы. В лакированные деревянные столешницы были вмонтированы белые фаянсовые раковины. Даже периодическая таблица химических элементов висела на стене, но, как я заметил, в ней не хватало элементов, открытых после Второй мировой войны.

– Итак, сначала наполним раковину водой, – сказал Найтингейл и открыл один из кранов, выполненный в виде длинной лебединой шеи. Послышался отдаленный перестук, лебединая шея затряслась. Внутри забулькало, и наконец кран выплюнул некоторое количество бурой жидкости.

Мы попятились.

– Как давно вы пользовались этой лабораторией? – поинтересовался я.

Перестук становился все быстрее и громче, и затем из крана наконец хлынула вода – сначала грязно-рыжая. Но через некоторое время она очистилась и стала прозрачной. Найтингейл заткнул сток и подождал, пока раковина наполнится на три четверти.

– При отработке этого заклинания, – пояснил он, – техника безопасности требует всегда иметь рядом резервуар с водой.

– Мы зажжем с помощью магии огонь?

– Только если что-то пойдет не так, – сказал Найтингейл. – Я буду показывать, а вы должны предельно сосредоточиться – как тогда, при поиске вестигиев. Понимаете?

– Вестигиев, – повторил я. – Понял.

Найтингейл протянул руку ладонью вверх и сжал пальцы в кулак.

– Следите за моей рукой, – сказал он и медленно разжал пальцы. И я вдруг увидел шарик света в нескольких сантиметрах над его ладонью. Достаточно яркий, однако на него можно было смотреть, не щурясь и не мигая.

Найтингейл снова сжал пальцы, и шарик исчез.

– Еще?

Думаю, до этого момента некая часть моего сознания ждала все-таки рационального объяснения. Но когда я увидел, с какой легкостью Найтингейл создал волшебный световой шар, я понял, что рациональное объяснение только одно: магия работает. Но вот вопрос: как именно она работает?

– Еще, – сказал я.

Он раскрыл ладонь, и я снова увидел магический свет. Его источник был размером с мячик для гольфа, а гладкой, мягко сияющей поверхностью напоминал жемчужину. Я чуть подался вперед, чтобы рассмотреть получше, но так и не понял, исходит ли это сияние изнутри шара или же светится его поверхность.

Найтингейл сжал кулак.

– Осторожнее, – предупредил он, – берегите глаза.

Я моргнул, и перед глазами тут же поплыли фиолетовые пятна. Наставник был прав – я засмотрелся, купившись на обманчиво мягкий свет. Пришлось промыть глаза над раковиной.

– Готовы продолжать? – спросил Найтингейл. – Тогда попытайтесь сосредоточиться на ощущении, как я. Вы должны что-то почувствовать.

– Что-то? – не понял я.

– Магия подобна музыке, – пояснил Найтингейл. – Каждый ощущает ее по-своему, как по-своему слышит музыку. Мы используем термин «форма» – немногим лучше, чем «что-то», верно?

– А можно мне закрыть глаза? – спросил я.

– Безусловно.

«Что-то» я определенно ощутил. Как будто щелчок в сам момент возникновения шара. Мы повторили это упражнение несколько раз, пока я не удостоверился, что мне не кажется. Найтингейл спросил, есть ли у меня вопросы. Я спросил, как называется это заклинание.

– Между собой мы называем его «светлячком», – ответил он.

– А можете сделать то же самое под водой?

Найтингейл опустил руку в воду, согнул под неудобным углом, однако без всяких видимых усилий снова выпустил из ладони «светлячка».

– Значит, окисление здесь ни при чем, – заключил я.

– Сосредоточьтесь, – велел Найтингейл. – Сначала магия, а потом наука.

Я бы сосредоточился, но на чем именно?

– Через минуту, – сказал Найтингейл, – я попрошу вас протянуть руку ладонью вверх, как я показывал. Как только раскроете ладонь, попытайтесь мысленно создать образ, который у вас возник, когда я создавал «светлячка». Представьте, что образ – это ключ, который вы вставите в замок, чтобы открыть дверь. Поняли?

– Ладонь, – повторил я, – образ, ключ, замок, дверь.

– Верно, – сказал Найтингейл. – Начинайте.

Глубоко вздохнув, я вытянул руку ладонью вперед и разжал пальцы. Ничего не произошло. Найтингейл не стал смеяться, но от этого было не легче. Я вздохнул еще раз, попытался вызвать этот самый «образ» в сознании и снова раскрыл ладонь.

– Давайте еще раз покажу, – предложил Найтингейл, – потом попробуете сами.

Он снова засветил на ладони магический шарик, я попытался мысленно уловить, удержать форму и на этот раз вроде ощутил ее отголосок – так до слуха доносится музыка из проезжающей машины.

Мы повторили еще несколько раз, пока я не начал четко воспринимать «форму». Но все равно воссоздать ее в голове никак не получалось. Найтингейлу, похоже, было знакомо это состояние, ибо он четко определил, на какой стадии я нахожусь.

– Тренируйтесь еще часа два, – велел он. – Потом прервемся на обед, а затем поработайте еще два часа. Вечером можете быть свободны.

– Только это отрабатывать? – спросил я. – А древние языки, а теория магии?

– Это только первый шаг, – сказал Найтингейл. – Если не овладеете этой практикой, все остальное будет нецелесообразно.

– Значит, это такой тест?

– В этом суть ученичества, – ответил Найтингейл. – Овладеете этой формой, и я обещаю, вам будет чем заняться: латынь, греческий, арабский, технический немецкий. Это не считая беготни, которая вам предстоит в связи со всеми делами, которые я расследую.

– Отлично, – заявил я. – Вы меня замотивировали.

Найтингейл рассмеялся и вышел, оставив меня тренироваться.

Глава 4

У реки

Через десять минут после пробуждения некоторые вещи делать ну совершенно не хочется. Например, гнать как сумасшедший по Грейт-Вест-роуд. Даже в три часа ночи, с сиреной и мигалкой, по максимально свободной для Лондона дороге. Вцепившись в ремень пассажирской двери, я старался не думать о таких прискорбных недостатках шикарного раритетного «Ягуара», как отсутствие современной подушки безопасности и зоны деформации.

– Вы включили рацию? – спросил Найтингейл.

Когда-то давно в этой машине установили современный радиопередатчик. И Найтингейл, нисколько не смущаясь, сообщил мне, что не умеет им пользоваться. Я только-только его включил, как Найтингейл на полной скорости вылетел на развязку Хогарт, и я отвлекся – треснулся головой о стекло. Выждав, когда будет относительно прямой участок, я связался с группой округа Ричмонд – именно им, по словам Найтингейла, требовалась наша помощь. Мы услышали самый хвост оперативного доклада, и тот, кто его делал, судя по сдавленному голосу, отчаянно старался скрыть свою панику. Речь шла о каких-то гусях.

– Танго-Виски-1 – Танго-Виски-3, повторите.

ТВ-1 – это, должно быть, дежурный инспектор в ричмондском участке, а ТВ-3 – одна из тамошних групп быстрого реагирования.

– Танго-Виски-3 – Танго-Виски-1, мы у «Белого Лебедя», на нас напали чертовы гуси.

– У «Белого Лебедя»? – не понял я.

– Это паб в Туикенеме, – пояснил Найтингейл, – у моста на остров Ил-Пай.

Про Ил-Пай я знал, что это скопище лодочных мастерских и причалов на крохотном островке метров пятьсот длиной. Но однажды там даже играли «Роллинг Стоунз». Мой отец, кстати, тоже – от него я, собственно, и слышал про это место.

– А гуси при чем? – спросил я.

– Гуси лучшие сторожа в мире, – ответил наставник. – Не верите – спросите у римлян.

Но ТВ-1 гуси не интересовали, она спросила, что произошло. За двадцать минут до этого поступило сразу несколько звонков в службу экстренной помощи. Речь шла о нарушении общественного порядка и предполагаемом конфликте между группами подростков. По опыту я знал: это могло означать все что угодно, начиная от драки на девичнике и заканчивая парой-тройкой лис, перевернувших мусорные баки.

ТВ-3 сообщил, что на Риверсайд-роуд произошла драка между группой ИК1 мужского пола, в джинсах и спецовках, и группой ИК3 женского пола. На всякий случай поясню: ИК – это идентификационный код, ИК1 обозначает белых, а ИК3 – чернокожих. Сам я в зависимости от загара балансирую где-то между ИК3 и ИК6, то бишь между арабами и североафриканцами. Драки между белыми и черными бывают, хоть и нечасто. Но чтобы парни дрались с девчонками – о таком я слышал впервые. ТВ-1, видимо, тоже, поэтому переспросила.

– Женского пола, – повторил ТВ-3, – определенно женского, причем одна из них абсолютно обнаженная.

– Вот этого я и опасался, – проговорил Найтингейл.

– Чего именно?

Ощущение пустоты снаружи мелькнуло и исчезло – это мы пролетели по мосту Чизик. После него Темза делает петлю вокруг Садов Кью, и мы теперь ехали через самое основание этой петли, к Ричмондскому мосту.

– Там неподалеку находится одно культовое место, – сказал Найтингейл. – И парни, возможно, на него покушаются.

«Вряд ли под «культовым местом» он имеет в виду поле для регби», – подумал я.

– Значит, девушки его защищают?

– Да, можно и так сказать, – ответил Найтингейл.

Машину он водил мастерски и так внимательно следил за дорогой, что даже на высокой скорости не о чем было беспокоиться. Но и ему пришлось сбавить скорость, когда улицы стали у2же. Центру Ричмонда, как и многим другим районам Лондона, похоже, не досталось сколько-нибудь грамотной планировки.

– Танго-Виски-1 – от Танго-Виски-4, я на Черч-лейн, у реки. Группа ИК1 мужского пола, пять или шесть человек, проникла на лодку. Следую за ними.

ТВ-4 – еще одна ричмондская оперативная группа. То есть они вообще всех подняли на ноги.

ТВ-3 сообщил, что ИК3 женского пола нигде не обнаружено – ни обнаженных, ни одетых. Но лодку они видят, она движется к противоположному берегу.

– Свяжитесь с ними и скажите, что мы скоро будем на месте, – велел Найтингейл.

– А какой у нас позывной? – спросил я.

– Зулус-1.

Я вышел на связь.

– Зулус-1 – Танго-Виски-1, зафиксируйте – мы подключаемся.

Последовала небольшая пауза: ТВ-1 переваривала услышанное. Я на миг усомнился, что дежурный инспектор знает, кто мы такие.

– Танго-Виски-1 – Зулусу-1, принято. – Голос был ровный и спокойный – очевидно, все же знает. – Внимание: подозреваемые, возможно, пересекли реку и находятся на южном берегу.

Я попытался осмыслить это, но получилось плохо – Найтингейл вдруг вильнул на одно-стороннюю Джордж-стрит, по которой даже с мигалкой и сиреной нельзя ехать не в ту сторону. Иначе есть немалый шанс лоб в лоб повстречаться с образчиком тяжелой техники, выкатившимся на улицы ради ночной уборки. Я со всех сил уперся ногами в пол, когда наши фары выхватили из темноты огромное сердце, помещенное в витрину магазина «Бутс» ко Дню святого Валентина.

В микрофоне раздался голос ТВ-3:

– Внимание, внимание! Лодка, в которой находятся подозреваемые, загорелась. Люди прыгают с нее в воду.

Найтингейл снова дал по газам, но, к счастью, мы завернули за угол и теперь ехали по правильной стороне. Ричмондский мост был у нас справа, но Найтингейл, развернувшись на кругу, вырулил на дорогу, идущую параллельно Темзе. По рации мы слышали, как ТВ-1 связывается с Лондонской противопожарной службой и вызывает пожарный катер. Досюда ему было идти минут двадцать, не меньше.

Найтингейл лихо завернул направо, а я даже не заметил, что там есть поворот. Теперь мы неслись в абсолютной темноте, и гравий летел из-под колес, стуча о днище автомобиля. Еще один внезапный поворот, теперь уже налево, – и мы снова гоним вплотную к воде, вслед за рекой поворачивая к северу. У противоположного берега на якоре стояло несколько прогулочных катеров. Их подсвечивало оранжевое зарево от горящей лодки. Это был даже не катер, а просто прогулочная моторка. Такие обычно покупают частники, катать туристов. Борта у таких лодок частенько бывают выкрашены вручную, а на крыше дрыхнет кот. Но на этой кот если и был, то, надеюсь, успел выпрыгнуть и уплыть, потому что сейчас посудина была охвачена огнем от носа до кормы.

– Вон там, видите? – проговорил Найтингейл.

Я глянул вперед и в свете фар разглядел на том берегу силуэты нескольких человек.

– Вижу подозреваемых, – сообщил я ТВ-1, – на южном берегу в районе... вот черт, что у нас тут?

– Паромная переправа Хэммертон, – подсказал Найтингейл, и я повторил.

Найтингейл сбавил скорость, и мы затормозили прямо напротив горящей лодочки. В бардачке нашлись фонари, допотопные, страшенькие, с прорезиненными корпусами и лампами накаливания. Тяжесть такого фонаря в руке как-то даже успокаивала, когда мы с Найтингейлом вышли из машины и окунулись в непроглядную тьму.

Я посветил на тротуар, но подозреваемые, если они там и были, уже успели сбежать. Найтингейла же, похоже, больше интересовал не тротуар, а сама река. Я обшарил лучом фонарика пространство вокруг лодки, которую течение теперь медленно несло вперед, но в воде никого не было.

– Нужно проверить, не остался ли кто-нибудь на борту? – спросил я.

– Будет лучше, если там действительно никого нет, – громко объявил Найтингейл, обращаясь словно бы к реке, а не ко мне. – И я требую, чтобы пожар сейчас же потушили.

Из темноты долетел тихий смех. Я направил туда фонарик, но, кроме лодок у дальнего берега, не увидел ничего. Потом повернулся обратно – как раз чтобы увидеть, как горящая лодка исчезает под водой, словно кто-то там, внизу, схватил ее и потянул к себе. Угасли последние языки пламени, и в тот же миг лодка вынырнула обратно, словно резиновый утенок, и закачалась на воде. Гореть она, естественно, перестала.

– Кто это сделал? – спросил я.

– Духи реки, – ответил Найтингейл. – Оставайтесь здесь, я осмотрю берег.

От воды снова донесся смех. Потом, буквально метрах в трех от меня, послышалось: «О черт!» Голос был женский и, судя по выговору, принадлежал коренной жительнице Лондона. Затем я услышал скрежет, будто кто-то рвал пополам лист железа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.